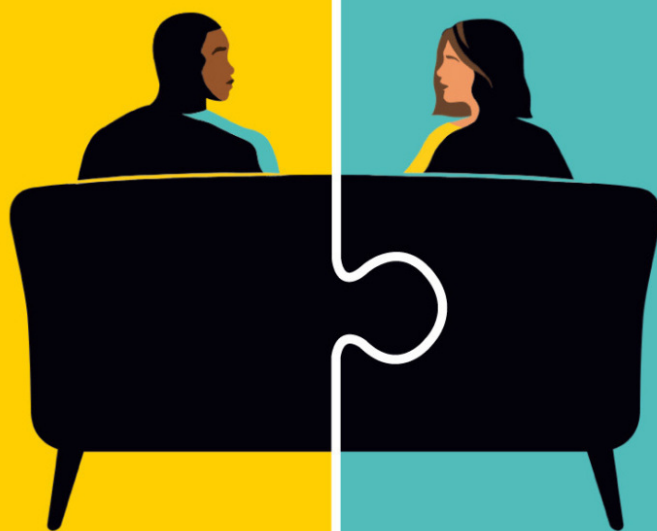


Тонко и актуально.

Good Housekeeping

# НИК ХОРНБИ

Современная  
комедия.  
Sunday Times



Великолепно.  
Irish Times

## СОВСЕМ КАК ТЫ

Узнаваемо, современно.  
Пронзительно,  
тонко и жизнеутверждающе.  
Mail on Sunday

Мастерски рассказанная,  
местами невероятно  
смешная история любви.  
Scotsman

Большой роман

Ник Хорнби  
**Совсем как ты**

«Азбука-Аттикус»

2020

УДК 821.111  
ББК 84(4Вел)-44

**Хорнби Н.**

Совсем как ты / Н. Хорнби — «Азбука-Аттикус»,  
2020 — (Большой роман)

ISBN 978-5-389-20137-8

Впервые на русском – новейший роман от прославленного автора таких бестселлеров, как «Hi-Fi», «Мой мальчик», «Футбольная горячка», «Долгое падение», «Смешная девчонка» и других, разошедшихся по миру тиражом свыше пяти миллионов экземпляров и успешно экранизированных.

Ник Хорнби вновь подтвердил свою славу «признанного исследователя пограничных областей между высокой, но ханжеской, и низовой, но искренней культурами» (Лев Данилкин, «Афиша»). Рядовым субботним утром в мясной лавке в Северном Лондоне встречаются Люси и Джозеф – по разные стороны прилавка. Она – школьный завуч, воспитывающая сыновей-близнецов в одиночку после травматического развода, он – подающий надежды диджей, которому открыты все дороги, осталось лишь сфокусироваться хоть на какой-нибудь из них. «Эта подкупающая и проницательная любовная история повествует о том, как зарождается чувство к человеку, диаметрально противоположному тебе во всех отношениях» (Sunday Telegraph).

УДК 821.111  
ББК 84(4Вел)-44

ISBN 978-5-389-20137-8

© Хорнби Н., 2020  
© Азбука-Аттикус, 2020

# Содержание

Часть первая. Весна 2016-го	9
1	9
2	19
3	35
4	44
Конец ознакомительного фрагмента.	49

# Ник Хорнби

## Совсем как ты

*Мангертону, молодому и старому*

Nick Hornby  
JUST LIKE YOU  
Copyright © Nick Hornby, 2020  
All rights reserved

© Е. С. Петрова, перевод, 2021  
© Издание на русском языке. ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“», 2021  
Издательство ИНОСТРАНКА®

\* \* \*

Узнаваемо, современно. Пронзительно, тонко и жизнеутверждающе.  
*Mail on Sunday*

Мастерски рассказанная, глубокая, нежная, местами невероятно смешная история любви.  
*Scotsman*

В романе Хорнби прекрасно подмечена трогательная осторожность и в то же время безрассудность зарождающегося взаимного притяжения.  
*The Times*

Эта подкупающая и пронизательная любовная история повествует о том, как зарождается чувство к человеку, диаметрально противоположному тебе во всех отношениях.  
*Sunday Telegraph*

Порой комичная, от начала до конца увлекательная история, рассказанная с сердечной теплотой.  
*Observer*

Новый роман Хорнби, веселый и вместе с тем задевающий душевные струны, исследует тему идеального совпадения характеров, которое может обернуться катастрофой, когда дело доходит до любви.  
*Woman and Home* («Лучшие книги предстоящего лета»)

Талантливые, искристые диалоги, умело расцвеченные детскими голосами и отточенные многолетней работой автора над успешными экранизациями, способствуют непринужденному разворачиванию драматического сюжета.  
*Financial Times*

В романе исследуются истоки раскола и расизма, а также содержатся пронизательные наблюдения над природой безоглядной любви к человеку совсем не такому, как ты сам.

*Independent*

Ник Хорнби так прекрасно описывает своих персонажей... самое увлекательное его произведение за последние несколько лет.

*Sunday Express*

Хорнби – всегда превосходный рассказчик, и безупречно выстроенный роман «Совсем как ты» отличается искрометными диалогами и точно выверенным комизмом.

*Daily Mail*

По-настоящему остроумно... роман динамичен, необычайно увлекателен, отмечен истинной пронизательностью, а подчас просто уморителен.

*Guardian*

Блестящий текст, который демонстрирует фирменное авторское остроумие и способность проникать в самое сердце человеческой природы.

*The Sun*

Современная комедия.

*Sunday Times*

Великолепно.

*Irish Times*

Тонко и актуально.

*Good Housekeeping*

Действие доброго и остроумного романа Ника Хорнби разворачивается в 2016 году, на жестком фоне голосования по Брекзиту, и повествует о любви между белой женщиной средних лет и темнокожим молодым человеком. Здесь проводится мысль о том, что различия не всегда рожают противоречия: подчас они способствуют человеческому сближению.

*Daily Mail*

Не вызывает сомнений сверхъестественная способность Хорнби исследовать современные, подчас чрезвычайно серьезные темы – и преподносить результаты своих исследований легким, насмешливым языком. Своим искусным анализом хипстерской неуверенности в будущем писатель явно затронул болезненное место для многих современных людей.

*Booklist*

Веселый стиль повествования, очаровательные персонажи – все, что нужно, чтобы завоевать широкую аудиторию и принести книге несомненный успех.

*Kirkus Reviews*

Хорнби – писатель, который рискует одновременно быть остроумным, интеллигентным и щедрым на переживания.

*The New York Times Book Review*

Хорнби – признанный исследователь пограничных областей между высокой, но ханжеской, и низовой, но искренней культурами.

*Лев Данилкин (Афиша)*

В определенной степени британца можно было бы сравнить с Гришковцом: та же склонность к повторению одного и того же, объект внимания – простая жизнь и мелкие, вроде бы незначашие детали, повышенная рефлексия по любому поводу и вроде без. Оба автора объясняют нам, что всякая жизнь и каждый человек достойны внимания. Но разница между ними в том, что Хорнби пишет сюжетные книги, его герои действительно живые люди, а не вялые проекции, нареченные именами; его герои того самого внимания действительно стоят, персонажи последних книг Гришковца – вряд ли. Хорнби пишет, пытаясь «заполнить пустоту, зияющую между популярным чтивом и литературой для высоколобых». Признаем, попытки эти удаются ему блестяще.

*FashionTime.ru*



## Часть первая. Весна 2016-го

### 1

Возможно ли с уверенностью сказать, что тебе ненавистно больше всего на свете? Естественно, все зависит от того, насколько близко маячит объект ненависти и чем тебе досаждают: требует ли, чтобы его разложили по полочкам, выслушали, съели? Вот она сама, например, содрогается от необходимости разбирать со старшеклассниками творчество Агаты Кристи, заведомо ненавидит любого министра просвещения в правительстве консерваторов, лезет на стенку от воя трубы, на которой учится играть младший сын, испытывает тошноту от любых блюд из печени, от вида крови, от телевизионных реалити-шоу, от музыки грайм и от набивших оскомину затертых умозрительных штампов: глобальное обнищание, война, неминуемая гибель планеты и тому подобное. Последние, конечно, не имеют к ней прямого отношения, разве что неминуемая гибель планеты, да и та еще где-то далеко. Но в данный момент все эти раздражители отошли для нее на второй план. Сейчас, морозным субботним утром, в четверть двенадцатого, наибольшее отторжение вызывали бесконечные разглагольствования Эммы Бейкер на сексуальные темы в очереди за мясом.

В последнее время она предпринимала осторожные попытки сойти с той орбиты, на которой вращалась Эмма, но размежевание продвигалось незаметными темпами и, по мрачным прикидкам, могло затянуться лет на пять. Познакомились они давно – их дети еще ходили в прогулочную группу; одна сторона пригласила другую на ужин, другая из вежливости ответила тем же – и пошло-поехало. Дети в ту пору отличались мало. Они еще не сформировались как личности, а родители пока не решили, какими хотят их вырастить. Эмма с мужем определили своих отпрысков в частную школу, и в итоге сыновья Люси объявили их задаваками. Светское общение неизбежно угасло, но куда же деваться, если живешь по соседству и сталкиваешься в магазинах.

Очередь дошла до самого ненавистного предела, когда ты оказываешься прямо у входных дверей, которые зимой держат закрытыми, и должна принять решение: можно уже просочиться внутрь или еще нет. Поспешишь – и будешь жаться к чьей-нибудь спине под тревожными взглядами блюстителей очередности; замешкаешься – и сзади, образно говоря, тебя непременно обсигналят за нерешительность. Последует вежливое: «Может быть, вам уже...» или «Там, кажется, стало посвободней». Примерно то же самое происходит на перекрестке, где необходим навык агрессивного вождения. Впрочем, когда она садилась за руль, ей могли сигналить сколько угодно. Стекло и металл отделяли ее от других водителей: те пронесутся мимо – и с концами. Но здесь-то соседи. Их понукания и косые взгляды донимают ее каждую субботу. Можно, конечно, закупаться в супермаркете, но как тогда «Поддержать Малый Бизнес»?

Да к тому же владелец мясного магазина знал свое дело, а потому она готова была мириться с наценкой. От рыбы и овощей ее сыновья воротили нос, и она нехотя признала, что не стоит пичкать их антибиотиками, гормонами и прочими гадостями, которыми нашпиговано дешевое мясо, грозящее когда-нибудь превратить ее мальчиков в восточноевропейских чемпионов по тяжелой атлетике среди женщин (нет, она, конечно, готова понять и принять любое их решение. Но зачем же своими руками подталкивать их к такой судьбе?). Сыновья привыкли есть мясо, и этому содействовал Пол. Скупердяем он никогда не был. И признавал, что кругом виноват. Оставлял себе прожиточный минимум, если не меньше, а львиную долю средств отдавал ей.

До щекотливого момента входа-выхода оставалось еще минут десять. Привлеченные соотношением цены и качества, жители этого лондонского пригорода выстраивались в длинные очереди к частникам, а дорвавшись до прилавка, не спешили с выбором. И в этой обстановке Эмму Бейкер, как назло, тянуло на интимные разговоры.

– А знаешь что? Я тебе завидую, – изрекла она.

Люси не ответила. Единственным ее оружием оставалось немногословие. Со стороны оно могло показаться безрезультатным, поскольку этот словесный поток не иссякал, но стоило дать слабину – и ручеек превращался в неуправляемую лавину.

– Для тебя нынче возможен секс с теми, кого ты раньше даже представить не могла в своей постели.

Люси не считала подобную перспективу слишком уж завидной: если в ее жизни такое произойдет, вряд ли можно будет расценивать это как достижение. В конце-то концов, такая возможность открыта для любого дееспособного человека, стремится он к ней или нет. Но статус Люси как свободной женщины не давал Эмме покоя: раз за разом ее будто тянули за язык. Для Эммы, которая за долгие годы супружества ни разу не попыталась ни скрыть, ни оправдать полную несостоятельность своего мужа как в спальне, так и в любом другом пространстве, развод означал только одно – секс, а Люси думала: вот ведь парадокс и/или глупость, ведь ее собственный опыт доказывал, что развод – это как раз отсутствие секса. Иными словами, одиночество Люси служило экраном, на который Эмма проецировала свои бесконечные фантазии.

– Чего ты ищешь? В мужчине?

Очередь притихла: то ли в действительности, то ли в воображении Люси.

– Ничего я не ищу. Ничего.

– Тогда зачем сблизаться?

– Абсолютно незачем.

В этих ответах крылся лишь небольшой фрагмент очень длинной истории. А из любой длинной истории можно наугад выдернуть слова «ничего», «не», «зачем» и наделить их таким смыслом, который иронически перевернет все задумки рассказчика.

– Опрятности, – неожиданно вырвалось у Люси.

– То есть?

– Ты спросила, чего я ищу.

– Брось, подруга. Ты достойна большего.

– Опрятность – важное качество.

– Разве для тебя не важно, чтобы он был привлекателен? Остроумен? Без материальных проблем? Хорош в постели? Чтобы не сдувался в решающий момент? Чтобы любил оральный секс?

Сзади кто-то прыснул. Поскольку очередь к этому времени полностью умолкла, хохоток, по всей вероятности, вызвала Эмма.

– Нет.

И вновь лапидарный ответ не сказал всей правды, даже малой толики.

– А я бы искала именно такого.

– Я узнаю про Дэвида больше, чем хотелось бы.

– Ну, он аккуратист, этого не отнимешь. Благоухает, как Джеймс Бонд.

– Вот смотри. У него ведь нет ни одного из тех достоинств, на которые ты меня нацелила, однако сама его не бросаешь.

Если вдуматься – а она, вообще говоря, впервые задумалась об этом только в начале недели, – опрятность действительно важнее чуть ли не всех качеств, пришедших ей в голову. Допустим, Эмма сумеет найти для нее потенциального партнера, отвечающего чертами характера и личности самым высоким требованиям или – как минимум – тем, что Люси, вконец

растерявшись, могла бы с ходу назвать в очереди за мясом. Допустим, скоро выяснится, что этот фантастический мужчина любит живые цветы и фильмы Асгара Фархади<sup>1</sup>, предпочитает городскую жизнь загородной, читает книги – нормальную литературу, а не романы про террористов и подводные лодки, умеет – да, умеет! – доставлять и получать удовольствие от орального секса, по-доброму относится к ее сыновьям, что этот рослый, красивый, платежеспособный брюнет исповедует либеральные взгляды, наделен чувством юмора и мужским обаянием.

И вот в один прекрасный день он пригласит ее на ужин в какое-нибудь неброское, шикарное, модное заведение, и при встрече она сразу почувствует, что от него дурно пахнет. Понятно же, правда, что на этом история закончится. Неопрятность перечеркивает все остальное. Равно как и злоба, и судимость (даже предполагаемая) за домашнее насилие, и расовая нетерпимость. Не говоря уж об алкоголизме и наркомании, но это само собой разумеется, особенно после всего, что выпало на ее долю. Отсутствие негатива куда важнее любого позитива.

Люси мрачно подумала, что испытание уже совсем близко. За дверью, как она успела заметить, царил хаос. Там очередь раздваивалась, и оба хвоста упирались в дальний торец мясной лавки, так что проблема не сводилась к тому, чтобы всего-навсего протиснуться внутрь. Сразу за дверью жались люди из середины очереди, именно здесь эта змея изгибалась, а значит, чтобы протиснуться в конец, нужно было поработать локтями, так как скопище покупателей превратилось из упорядоченной линии в плотную толпу, где получить хорошего тычка могла не только преградившая путь старая гвардия, но и сама непрошенная конкурентка.

- Думаю, мы обе поместимся, – сказала Эмма.
- Там и для одной места не хватит, – возразила Люси.
- Вперед.
- Не надо, прошу тебя.
- Кажется, вам уже пора заходить, – поторопила женщина, стоявшая за ними.
- Я только что сказала подруге, что это невозможно, – отрезала Люси.

Из магазина вывалилась парочка с лопающимися пластиковыми пакетами, откуда торчали кровавые мясные оковалки: умнешь такие припасы за неделю – и заработаешь тяжелое сердечно-сосудистое заболевание вкупе с раком желудка, зато в следующий раз субботняя очередь станет чуть короче.

- Эмма толкнула дверь и вошла.
- Мало того, что она к вам примазалась, – сказала женщина сзади.
- Об этом Люси успела забыть.
- Так теперь где она – а где вы.
- Здесь явно чувствовался какой-то намек.

Набрать мяса на сто двенадцать фунтов – это сильно. Джозеф прикидывал в уме, на чем эта парочка захочет сэкономить: откажется ли, к примеру, от бифштеков из вырезки или от филейных рулетов, но нет. Услыхав стоимость, те двое и бровью не повели. Когда ему впервые довелось озвучить покупательнице трехзначную сумму, он сделал виноватую мину, больше похожую на гримасу, как будто готовился причинить той дамочке реальные физические муки. Но она, как он понял, нисколько не мучилась, и его кольнуло такое чувство, что он малость оплошал. Когда в следующий раз возникла сходная ситуация, он не ступешался, зато покупатель начал егозить: мол, родня приезжает, а иначе он не стал бы так шиковать, не по карману ему, то-се, пятое-десятое. На районе публика живет не особо рафинированная, ходят в джинсах, говорок простецкий – до принца Чарльза им далеко, но денежки у людей водятся, отчего порой даже непонятки возникают. Джозефу, по правде говоря, все это побоку. Он цель поставил: заполучить для себя все то, что есть у них, и не сомневался, что у него получится. Зара-

---

<sup>1</sup> Асгар Фархади (р. 1972) – иранский кинорежиссер, лауреат «Золотого медведя», двух «Оскаров» и премии BAFTA.

боток его в мясной лавке – сто десять фунтов в день, но это вовсе не значит, что он должен косо смотреть на тех, кто покупает мяса на сто двенадцать.

Сейчас его другое беспокоило: когда «трехзначная» парочка вышла, в торговый зал втиснулась горластая блондинка. Вот где реальная холера, причем какая: по субботам эта тетка начинала с ним заигрывать, отпускала шуточки насчет сосисок и удлиненной корейки, а Джозеф не знал, что в таких случаях полагается отвечать или делать, а потому просто растягивал губы в улыбке. Поначалу он пробовал уйти в сторону, чтобы ее не обслуживать, но вскоре понял, что это еще хуже: она даже не смотрела на того, кто отпускал ей товар, будь то Кэсс, или Крейг, или еще кто, и, повернувшись к нему, все хохмила насчет сосисок. Это была невероятная стыдоба, поскольку участниками таких сцен становились сам Джозеф, покупатель, которого он в данный момент обслуживал, эта горластая тетка и тот продавец, которому довелось обслуживать ее. Но если верно рассчитать время, холеру удавалось свести к минимуму.

Особо изощряться ему не пришлось. Она оказалась его следующей покупательницей.

– Доброе утро, Джо.

Какой он ей Джо? Он Джозеф. У него на бейдже так и написано. Однако в последнее время эта тетка решила сократить дистанцию.

– Чего желаете?

– Ах да. Вопрос, конечно, интересный.

По крайней мере, сообразила ответить негромко – услышали человека три-четыре, не более: стоявшие непосредственно рядом и сзади. Все устремили глаза на него: посмотреть, будет ли он ей подыгрывать. Он улыбнулся этой крикунье одними губами.

– Я озорница, сама знаю, – сказала та. – Не упускаю возможности пошалить. Дайте-ка мне полдюжины свиных сарделек с луком-пореем. А этих сырых колбасок, с репчатым луком, не надо.

Даже это задумывалось как шуточка.

– Понял.

Он отпустил ей сардельки, потом несколько антрекотов и под конец – четыре куриные грудки. Она уже собиралась высказаться о грудках как таковых, но он это почуял и ушел в сторону:

– Кэсс, попроси там, чтобы филе вынесли.

– Люси!

Крикунья-блондинка жестами звала свою подругу протиснуться к прилавку, но подруга, темноволосая, более миниатюрная и симпатичная, со смущенным видом отмахнулась. Сценка напоминала эпизод из фильма, где в очереди сошлись близкие подруги, а по сути – полные противоположности.

– Подожди меня на улице, – ответила Люси.

Шумная блондинка удрученно покачала головой, словно подразумевая, что отказ растолкать покупателей и пролезть без очереди может исходить лишь от полной неудачницы, потерпевшей крах во всех житейских сферах.

– Горбатого могила исправит, – сказала Горластая, вводя свой ПИН-код, и подняла взгляд на Джозефа.

Тот едва не содрогнулся.

– Сладенький, так бы его и съела, – сказала Эмма, выйдя на свежий воздух.

– Кто?

– Джо. Парнишка, который меня обслуживал.

– Не сказала бы, что он так уж рвется быть съеденным.

– Он просто не знает, как я могу его приготовить.

Люси подумала, что метафора не самая удачная. Если узнать, каким способом тебя собираются зажарить или сварить, вряд ли перспектива быть употребленным в пищу станет от этого более радужной.

– Он тебе никого не напоминает? Какого-то секс-символа: киногероя или певца?

– Ну, не знаю.

– А я знаю.

Люси хорошо представляла ее горизонты – достаточно узкие. Наверняка продавца сейчас ожидало сравнение с молодым Идрисом Эльбой или, столь же вероятно, с молодым Уиллом Смитом.

– Вылитый Дензел Вашингтон в молодости, – сказала Эмма. – Неужели не очевидно?

– Нисколько, – ответила Люси. – Но я понимаю: из трех чернокожих лиц, которые хранит твой банк памяти, Дензел Вашингтон в юности был, наверное, отдаленно похож на него.

– Почему же из трех, я и больше могу назвать. Но выбрала того, который реально смахивает на этого парня.

Время от времени Эмма занималась дизайном интерьеров, но, окажись у нее в клиентах чернокожий, Люси была бы поражена до глубины души. А иные области, которые могли бы обеспечить объекты для сравнения – спорт, музыка, литература, даже политика, – Эмма игнорировала как класс. Общаясь с учениками и коллегами, Люси поняла, сколь глубоко въедаются подобные взгляды, но как подступиться к этой теме, если перед тобой зашоренная и бездумная личность? Да никак; Люси и планов таких не строила.

Домой они шли вместе. Эмма жила немного дальше, через две улицы, в одном из больших особняков на склоне холма. Когда-то они были соседками, но Люси с сыновьями переехала после семейного раскола в более скромное жилище.

– Ребят на выходные к Полу отправила?

– Да.

– Значит, если все сложится, то вечером ты...

– Вечером я не собираюсь ни с кем ложиться в постель.

– Не зарекайся.

– Ты когда-нибудь изменяла Дэвиду?

– Люси! Ну, ты вообще!

– А в чем дело?

– Ничего себе вопросы!

– А что такого?

– Это слишком личное.

Эмма не хотела признаваться (хотя для Люси это не было тайной), что на протяжении всех лет своего брака хранит безраздельную верность мужу. В том-то и заключалась ее глубинная, темная тайна: невзирая на трескотню о желании съесть кого-нибудь сладенького, на шутки по поводу рулетиков из корейки, Эмма никогда не переступала черту – и не собиралась. Да, в этом виделась полная безысходность, но, если смотреть правде в глаза, она принадлежала к той породе замужних женщин, удрученных жизнью и тоской, которые не оставляют надежды окружить какого-нибудь юнца. Впрочем, что в этом плохого? Иначе совсем закиснешь.

– Тогда почему мою интимную жизнь обсуждать можно, а твою нельзя?

– Потому, что ты не замужем.

– У незамужних тоже бывают сугубо личные дела.

– Но ты же знаешь Дэвида.

– Я хоть слово сказала?

– Да не о том речь.

– Значит, ты погуливаешь?

– Давай сменим тему.  
Честь Эммы осталась незадетой.

Она полюбила непривычную тишину субботних вечеров. Зимой, когда сырость не позволяла мальчишкам гонять мяч, один из ее сыновей смотрел обзоры матчей, сопровождаемые воплями фанатов, и одновременно слушал грайм, не отрываясь от какой-то игрушки в телефоне, а второй в наушниках играл в «ФИФА» на приставке «Икс-бокс» и перекрикивался с друзьями. Эта какофония была для нее невыносима. Зато теперь, когда Пол на выходные забирал детей к себе, у нее появилась возможность читать, решать кроссворды и слушать музыку, от которой сыновья лезли на стенку (если это был Моцарт) или катались со смеху (Кэрол Кинг). Тоска накатывала только вечерами. Семейный дом, даже – в силу обстоятельств – уменьшенной площади, предназначен для семьи, а если в семь часов вечера он погружен в тишину, это, так сказать, знаменует крах. Не ее личный крах (во всяком случае, так она считала), но вообще, в принципе, не важно чей.

А сегодня ей даже не пришлось стоять у плиты, хотя стряпня оказалась куда более значимым делом, чем ей представлялось до наступления этих одиноких суббот. Раньше день отделяла от вечера стряпня – та запятая, что разделяет длинную фразу суток, не допуская двусмысленностей и разночтений. И куда теперь себя девать, если не нужно готовить пасту и резать лук? Люси не желала вливаться в ряды тех женщин, которые перед свиданием долго примеряют наряды. В фильмах такие эпизоды всегда достигаются монтажом, но она не исключала для себя возможности перемерить в спальне весь свой гардероб, если бы для этого не требовалось раздеваться – если бы одежда волшебным образом просто оказывалась на фигуре сама собой под какую-нибудь песню о новом завтра. Короче говоря, если заикливаться на собственной внешности, то предстоящий вечер потребует несоразмерного вложения сил и средств, а также излишней серьезности. Мужчина этот был ей незнаком и не вызывал у нее особого энтузиазма. Звали его Тед, и работал он в издательской сфере. Если Тед представлял собой символ нового завтра, то она бы лучше повалялась в постели до понедельника. Может, даже не стала бы переодеваться. Она, по собственному мнению, всегда выглядела презентабельно. Если ему не нравятся женщины, которые приходят на свидание в джинсах и футболке, то пусть идет лесом. Можно, конечно, подобрать какую-нибудь подходящую блузу. Она опустила глаза на кроссворд. «Все ответы категории „по горизонтали“ относятся к областям, иначе не определяемым». Великолепно. Сначала определи область, потом ищи ответ, но ответ найди до того, как определишь область. А ведь она сама, похоже, всю жизнь только этим и занимается. Лучше уж телевизор включить.

– Итак.  
– Итак.

И они улыбнулись друг другу. Заказав напитки, оба теперь делали вид, будто изучают меню. Он, пожалуй, был лет на пять старше, не урод, но и не красавец. Шевелюра поредела, однако он принимал это как данность и оставшиеся волосы сбривал аккуратно, но без фанатизма. Морщинки вокруг глаз выдавали улыбчивость, ровные зубы сверкали белизной. Если что и подавало сигнал тревоги, так это рубашка: к сожалению, черная, да еще в цветочек; впрочем, куплена она, похоже, была специально для этого случая – поступок столь же трогательный, сколь и грустный. По большому счету именно таким и представляешь себе незнакомого кавалера, которого тебе порекомендовали общие знакомые: приятный, уязвимый, безобидный, слепо верящий в способность чужой женщины избавить его от одиночества. Ей подумалось: не возникают ли сходные ощущения и у него, но она не считала, что излучает такую же меланхолию. А может, это самообман. В считанные мгновения ей стало ясно: второго свидания не будет.

– Кто сделает первый заход?

Кто сделает первый заход? Беседу приравнивали к туалетной комнате, где есть место только для одного. Давайте сначала вы, крутилось у нее на языке. В мужской туалет очередей не бывает. А с другой стороны, они ведь не развлекаться сюда пришли. Они пришли, чтобы понять, сумеют ли выдержать некий суррогат унылых отношений, а для этого необходимо отвести в сторону истории – истории о мучениях, потерях, просчетах и подлостях. По его пораженческому настрою она смогла определить, что подлости творил не он.

– Давайте сначала вы.

– Хорошо. Меня зовут Тед. Это вы и так знаете. Я дружен с Наташей.

Разгибая руку в ее сторону, он как будто предлагал ей выйти на поклон. Этот жест был призван показать, что Люси тоже дружна с Наташей: собственно, по этой причине они сейчас дружно изображали совместное изучение меню.

– У меня две дочери, Хотти и Марси, тринадцати и одиннадцати лет, я активно участвую в их воспитании, но с их мамой мы больше не вместе.

– Рада слышать.

– Ох, – осекся Тед. – Нет. Не знаю, что вам рассказывала Наташа, но Эми – неплохой человек. То есть она совершила ряд ошибок, но...

– Простите, – сказала Люси. – Дурацкая шутка.

– Не понимаю.

– Ну, будь вы по-прежнему с ней вместе, вряд ли вам пришлось бы в голову ходить на свидания вслепую.

Тед указал на нее пальцем. Они познакомились пять минут назад, но он уже сделал жесты развернутой рукой и указательным пальцем. Из него мог выйти неплохой регулировщик, но она предпочла бы видеть своим партнером кого-нибудь другого.

– Ага. Да. Это было бы занятно. Занятно в смысле странно.

– Моя шутка планировалась как занятная в смысле комичная.

– Нет-нет, шутка удалась. Но если бы я и вправду позволял себе такие выходки, это выглядело бы занятно в смысле странно.

– А можно спросить, что произошло?

– С Эми?

– Да.

Он пожал плечами:

– Кого-то встретила.

– А-а.

Его пожатие плечами не означало, что он смирился. Его пожатие плечами было нарочито небрежным способом замаскировать острую, неутраченную боль.

– Не знаю. Для танго, как говорится, нужны двое, – сказал он.

– Ну... Их и было двое. Она и он.

– Я не имел в виду, понимаете... другую сторону.

– Вы тоже исполняли танго?

По нему этого не было заметно, но что она могла знать?

– Нет! Если под исполнением танго понимается... Что под этим понимается?

– Я, кажется, спросила, потребовались ли для танго четверо?

– Четверо? Как мы перешли от двоих к четверым?

– Вы плюс кто-то еще.

– Ох. Нет. Боже упаси. Нет.

– Тогда в каком смысле вы исполняли танго?

– Напрасно я начал про танго.

– Давайте прекратим.

– Видимо, я пытался сказать, что в нормальном, счастливом браке нет места для третьего.

– Значит, вы из нормальных.

– Это плохо? Мы с вами плохие?

Наверное, она разговаривала слишком уничижительно.

– Нет-нет. Не плохие. Просто... слишком вдумчивые.

– В самом деле? Разве человек может быть слишком вдумчивым?

Конечно нет. Просто получилось так, что чрезмерная вдумчивость Теда переросла в слезливость и жалость к себе.

– Дело в том, что я не знаю, насколько несчастна была ваша жена.

– Я тоже этого не знал.

– Значит, она, по всей вероятности, была не столь уж несчастна.

– Почему вы так решили?

– Интуиции вам не занимать. Если что – вы бы заметили. Она, видимо, серединка на половинку. Не счастлива, но и не так чтобы несчастна. Как и все люди.

Она сама не знала, что несет, но до нее стало доходить, что свидание вслепую, особенно бесперспективное, не сулящее никаких будущих отношений, дает определенные преимущества. Оно позволяет высказывать необоснованные и непрошенные мнения, а также совать свой нос в чужой вопрос. У Люси нередко возникало желание подойти к незнакомому человеку – к тому, кто читает никудышную книгу, или, скажем, к девушке, которая плачет, разговаривая по мобильному, или к белолицему велокурьеру с длинными дредами – и спросить: что за дела? Только и всего. «Что за дела?»

Ну а если не задаваться целью найти себе партнера, будь то для жизни, для секса или хотя бы для тенниса, то можно и посидеть за таким вот столиком, с таким мужчиной, как Тед, и выяснить, что у него за душой, а он даже не сможет ей сказать, чтобы не совалась, куда не просят, ведь они для того и встретились, чтобы сразу взять быка за рога. До сравнительно недавнего времени ей казалось, что эта идиома заимствована из боя быков и существует в английском языке много сотен лет. Но как-то тихим субботним вечером, разгадывая кроссворд, она погуглила этот фразеологизм и теперь знала, что он связан с историей кинематографа и значение его вполне прозрачно: действовать решительно, не теряя времени, сразу переходить к главному. Продюсер Хэл Роуч<sup>2</sup>, которому приписывается это выражение, даже помыслить не мог, что оно кому-нибудь вспомнится именно в тот момент ресторанной встречи, когда двое делятся своими обидами и разочарованиями. Но в жизни так и произошло. В свои сорок два года Люси не допускала, что когда-либо вновь окажется привязанной к рельсам на пути приближающегося локомотива. Она уже проходила это с Полом.

– Вот и я так считал, – сказал Тед. – Я тоже считал, что она ни то ни се.

– Ну, когда человек – серединка на половинку, всегда открывается лакуна для третьей стороны.

– Об этом я не подумал. А надо было насторожиться, как вы считаете?

– Нет, я так не считаю. Посредственность непредсказуема. Вот в чем вся штука. Если каждая посредственность будет сбегать к другому, ни один брак не продержится и пяти минут.

Люси было любопытно, как у них обстояло дело в постели, но потом она вспомнила, что это первое свидание и второго не будет. Спрашивать можно о чем угодно.

– А в постели все получалось... регулярно?

– Эми была очень привлекательна. Собственно, такой и остается. Намного привлекательней меня. Видимо, напрасно я замахнулся на этот брак.

– Не вполне понимаю.

---

<sup>2</sup> Хэл Роуч (Гарольд Юджин Роуч, 1892–1992) – американский продюсер и режиссер, в кино с 1912 г.; его студия прославилась немыми комедиями с Гарольдом Ллойдом и дуэтом Лорела и Харди.



– Кажется, у меня есть фото.

Он стал рыться в карманах пиджака – искать телефон.

– Нет-нет, что такое привлекательность – мне ясно. Просто я не понимаю, какое отношение она имеет к сексу.

– Я всегда несколько тушевался.

Она понятия не имела, что это означает и как соотносится с темой обсуждения, но вполне удовлетворила свой интерес к подробностям.

– То есть вы теперь ищите кого-нибудь попроще.

– Понимаю, это звучит нелепо, но так оно и есть. И должен сознаться, при виде вас я был несколько разочарован. Простите. Обжегшись на молоке, и так далее.

– Вы довольно красноречивы, вам это известно?

Он засмеялся:

– Теперь ваша очередь.

– Господи. Уже?

– Боюсь, что так.

– Люси, подруга Наташи; двое сыновей, Дилан и Эл, десяти и восьми лет; очень-очень активно участвую в их жизни – наверное, больше, чем мне того хочется; с их отцом рассталась.

– И работаете учителем английского языка и литературы.

– Да. Завуч школы «Парк-роуд».

– Мы ее рассматривали, когда решали, куда отдать дочерей.

– И она вас не устроила?

– Что вы, что вы. Она произвела прекрасное впечатление. Но Эми хотела, чтобы девочки получили такое же образование, как она сама.

– В частной школе.

– Ну да. Причем не в первой попавшейся. А чтобы там были маленькие классы, больше семей...

– Маленькие классы, больше семей? Вот это да.

– Нет-нет, больше семей, относящихся...

У Люси было множество знакомых, которые, устраивая своих детей в частные школы, всегда путано объясняли, чем вызвано такое решение. Основные причины, как правило, сводились к сложным, трудно постижимым особенностям развития, не позволяющим ребенку бегать в простую районную школу, а потому даже те родители, которые и рады были бы отдать свое чадо в ту школу, что ближе к дому, ссылались на застенчивость, невыявленную дислексию или редкостный талант, нуждающийся в поддержке и поощрении, каких не может обеспечить государственное учебное заведение. Люси вознамерилась отдаться первому же папаше, который скажет попросту: вы что, обалдели? В районной школе одни психопаты, хулиганье, дети, не владеющие языком, учителя, не владеющие языком, двенадцатилетние оболтусы, от которых разит травкой, – они же уроют мою дочь за одно то, что на перемене она читает Платона.

– Больше семей, которые...

– Похожи на них самих?

Тед взглянул на нее с благодарностью.

– Думаю, да. На самом деле в школе «Блубелл» учится много девочек из Азии. Из Китая, из Индии. Значит, решающую роль играет не...

– Я понимаю. Все нормально.

– А ваши мальчики в какой школе учатся?

– Имени Фрэнсиса Бекона.

– Наслышан – о ней прекрасные отзывы.

Похоже, он испытал облегчение, как будто учеба ее сыновей в полупрестижной школе служила доказательством политической вменяемости их матери.

- А почему... Ну... почему вы?..
- Почему я осталась одна? Разве Наташа вас не просветила?
- Очень поверхностно.
- Ну, заголовки раскрывают всю историю.
- Как он теперь живет?
- Нормально. Завязал. Прошел реабилитацию, курс психотерапии... Сделал все, что должен был сделать много лет назад.
- И возвращаться не хочет?
- Еще как хочет. И не видит препятствий.
- А что мешает?
- Я его ненавижу.
- Быть может, со временем это пройдет.
- Вряд ли.

По ее мнению, окружающие считали, что прощение где-то рядом, вот тут, на соседнем столике, а ей достаточно только встать и открутить краник, да вот упрямство и обидчивость не дают. Она злилась, да, но никакого краника не существовало. Пол растранижил все их деньги. Пол испоганил слишком много дней рождения. Пол не раз обзывал ее мразью и сучкой. Пол избивал водителей службы доставки и приводил наркоторговцев с товаром в дом, где росли его сыновья. Она больше знать его не хотела и могла надеяться лишь на то, что по прошествии длительного времени ярость утихнет. Но утихающая ярость – это совсем не то же самое, что любовь. Возможно, личность Теда могла бы привлечь тех женщин, которые прошли через аналогичные испытания, но ей не требовался добряк. Ей требовались интеллектуальные стимулы и сексуальное воодушевление, а без этого ей не требовался никто.

– Наташа рассказывала, вы большая любительница чтения, – сказал Тед, который явно не хотел дальнейших разговоров о ненависти.

– Пожалуй. Да.

– Я хотел подтянуться, но врать не буду – это не мое.

Люси могла только гадать, в чем заключалось подтягивание. Он изучал выдержки из книг в «Санди таймс»? Осилил единственное произведение или перечитал все новинки последних пяти лет?

– Ничего страшного.

– Мне интереснее посмотреть добротный сериал по «Нетфликсу».

Люси тоже любила смотреть добротные сериалы по «Нетфликсу». Окончание вечера прошло непринужденно. Люси понимала, что уже немолода. Считай, полжизни за плечами. Но на самом-то деле она моложе своих лет?

## 2

До конца матча оставалось семь минут; при счете ноль-ноль Лукас выполнил широкий замах не той ногой, не попал по мячу и прямо в центре поля, под носом у судьи нанес сильнейший удар в живот крайнему нападающему команды противников. Тот мальчонка упал: не потому, что добивался штрафного, а потому, что у него прервалось дыхание и, возможно, отказала пара внутренних органов. Джозеф с теплотой относился к Лукасу. Футболист из него аховый, да и умом не вышел, но Джозеф тренировал его уже три года, и пацан не пропустил ни одной тренировки и ни одной игры. И вообще добрый парнишка, вот только отец у него недобрый, если не сказать чокнутый, однако, как и сын, является на каждую игру. Родительская гордость зачастую его ослепляла, и на судью, назначившего одиннадцатиметровый, посыпался град оскорблений, который, впрочем, не поразил Джозефа – он слышал такое не раз и не два.

– Охерел, что ли, судья?

Выкрик был таким громогласным, что арбитр, находившийся метрах в сорока пяти, обернулся и посмотрел на него в упор.

– Полегче, Джон, – сказал Джозеф.

– Не, ну ты видел?

– Видел. Бесспорное нарушение.

Нападающий команды соперников все еще лежал на поле; вокруг него хлопотал тренер.

– Никто его пальцем не тронул.

– После удара он не шевелится.

– Да сейчас оклемается, вот увидишь.

– Вам даже стоять тут не положено, между прочим.

Джозеф был прав. У боковой линии могли находиться только тренеры и запасные, а родителям полагалось оставаться за воротами. Но к Джону эти правила не относились. Лукас был третьим из его сыновей, игравших в детском составе клуба «Тернпайк-лейн», так что отец появился на этом стадионе раньше всяких правил.

– Судью на мыло! Судью на мыло! Судью на мыло!

Арбитр больше не смотрел в его сторону, и Джон совсем раздухарился.

– Судью на мыло! Судью на мыло!

В конце концов он добился какого-то внимания.

– Жучара, сука!

Присев на корточки, судья осмотрел травмированного игрока, а потом выпрямился и с совершенно определенным намерением побежал трусцой в их сторону.

Пару лет назад в вуд-гринском торговом центре Джозеф столкнулся с заместителем директора своей бывшей школы, и мистер Филдинг спросил, чем он занимается.

– Так-так, – сказал мистер Филдинг. – Портфельная карьера. Ты – портфельный работник. Это вариант для тех, кто делает ставку на свое будущее. Но не для тебя. Ты делаешь ставку на свое настоящее.

Джозеф впервые услышал эти термины – он и не догадывался об их существовании, ему даже не приходило в голову, что кто-то задумывается о таких делах, но объяснение мистера Филдинга примирило его с нынешними вариантами трудоустройства. До этого момента его тревожило, что он как-то разбрасывается, хватается то за одну халтуру, то за другую, лишь бы не впрягаться в постоянную работу. Он вкалывал больше всех своих приятелей, но, по крайней мере, не заморачивался планированием своего будущего, не стремился двигаться в одном направлении, не делая шагов ни вправо, ни влево. По субботам он стоял за прилавком в мясном магазине; вечерами два раза в неделю тренировал детскую команду и раз в неделю,

по пятницам, выводил на игры своих подопечных; три раза в неделю по утрам работал в спортивно-культурном центре; забирал из школы Марининых близнецов и временами сидел с ними до прихода матери, а также пытался диджеить. Диджеинг еще не принес ему ни пенни, хотя это занятие увлекало его больше всех остальных, притом что через пару месяцев грозило опустить на деньги. Он собирался потратить шесть сотен фунтов на компьютерную программу «Ableton Live 10 Suite» – одно время он использовал пиратскую версию, но работала она паршиво, и, если он хотел чего-то достичь, требовалось раскошелиться. А это означало, что надо поменьше отжигать в клубах, но без этого не уследишь за работой других диджеев; а без этого не сможешь оценить свои собственные треки и перестанешь понимать, какая музыка уже не востребована, а какая и вовсе умерла.

Джозеф знал, что без сожаления забудет на работу в мясном магазине и на всех тамошних продавцов, да и на культурно-спортивный центр тоже, если только все срастется с диджеингом. Он продолжит заходить к близнецам, потому что привязался и к ним, и вообще к этой семье. Ему всегда казалось, что в первую очередь он будет скучать по тренерской работе, но там становилось все сложнее: мальчишки отлынивали, даже если позвонить им с напоминаниями за два часа до игры, родители хамили, тренеры соперников нахваливали своих игроков, когда те хватали атакующего противника за футболку или валили регбийным захватом. И все – мальчишки, родители, дяди, тети – смотрели на футбол как на способ пробиться в жизни. Любой пожилой белый субъект в шляпе виделся им агентом «Брентфорда», «Спурсов» или «Барселоны», а если на горизонте не маячил пожилой белый субъект в шляпе, в этом усматривали вину Джозефа: и команда-то у него не тянет, и сам он не способен отрекомендовать своих подопечных в нужных местах. За то время, что Джозеф занимался тренерской работой, только один игрок из всех команд «Тернпайк-лейн» был приглашен в серьезный клуб, и то в семнадцать лет «Барнет» его отпустил.

Кое-кто из родителей и бабушек с дедушками, которые приходили поболеть за своих, упоминали Джона Терри, Джермена Дефо и Сола Кемпбелла, выступающих за «Сенраб» в Уонстед-Флэтс, но, по мнению Джозефа, те дни миновали. Мальчишки из «Лейн» больше не могли конкурировать с ребятами из Уонстеда, Ливерпуля или Дублина за места в ведущих командах. Они конкурировали с пацанами из Сенегала или Мадрида, с пацанами, которые не питались фастфудом и не кидались курить травку в тринадцать лет. Теперь состязаться приходилось со всем миром, а весь мир был очень обширен и преуспевал в футболе.

Такие, как Джон, отец Лукаса, ворчали, что тут засилье приезжих, которые не оставляют шансов английским детям, но Джозеф мог понять те футбольные клубы, которые не смотрели в сторону слабо подготовленных игроков. У его отца были другие доводы. По его мнению, все выходцы из Восточной Европы, типа тех, что отжали у него рабочее место, соглашались на половину его прежнего оклада, если не меньше, ютились по пять человек в комнате где-то за конечной станцией Центральной линии метро, уезжали домой, скопив десяток фунтов, и т. д., и т. п. Ни у кого бы не повернулся язык сказать, что Серхио Агуэро, Эден Азар и иже с ними готовы вкалывать задарма. Если они и вытесняли местных игроков, то лишь потому, что были на голову выше, и Джозеф не видел в этом проблемы. Англия оставалась богатейшей футбольной державой отнюдь не усилиями англичан, точнее, не усилиями уроженцев Англии.

– Вам бы немного развеяться, Джон. Пройтись, размяться, а? – сказал Джозеф.

– Нет уж, мне сейчас никак нельзя отлучаться. Он сюда идет. Еще подумает, что я дёрнул. Если хочет залупаться, я ему живо рыло начищу.

– Он не хочет залупаться. Он хочет переговорить.

– А я хочу кулаками помахать.

– Нет, вы этого не хотите.

К ним подошел судья, запыхавшийся и злой.

– Как ты меня назвал?

– Жучара, сука.

Джозеф с интересом отмечал, что в подобных ситуациях повтор оскорбления почему-то выбивает почву из-под ног оскорбленного. Вопрос арбитра, скорее всего, предполагал ответ «Никак», или, скажем, извинение, или, возможно, смену темы. А повтор требовал неких действий, что ставило арбитра в затруднительное положение. Он – судья. Ему не положено раздавать тумаки. Так что он лишь толкнул обидчика в грудь, но весьма ощутимо: сквернослов плюхнулся на задницу.

– Ах так, – взъелся Джон. – Считаю, я уже подал на тебя жалобу.

– Валяй, – процедил арбитр.

И вручил Джозефу судейский свисток, блокнот и карточки.

– С меня хватит, – бросил он и пошел к раздевалкам.

– В итоге, – сказал Джон, сидя на земле, – судить придется тебе. Когда выйдешь на поле, сможешь отменить пенальти.

Джону было сорок пять лет, судье на вид за пятьдесят, а Джозефу двадцать два. Выйдя на поле, он объявил ребятам, что матч остановлен. Порой ему не хотелось оставаться единственным взрослым на Йорк-роуд.

В субботнее утро дождь лил как из ведра, и в магазине было спокойно. Впрочем, покупатели никуда не делись: они просто оттягивали выход из дома, а значит, после обеда следовало ждать столпотворения. Марк заставил всех махать шваброй, мыть полы и расставлять приправы, но к одиннадцати часам даже он не смог придумать, чем бы еще занять персонал, а потому Джозеф и Кэсси, оставив за прилавком одного Сола, пошли в ближайшую забегаловку пить кофе. Кэсси училась в университете Северного Лондона, и после вчерашнего буйного досуга субботняя подработка была для нее сущим мучением. Примерно ровесница Джозефа, она по умолчанию считала, что он так же мучается с похмелья, чего с ним не бывало никогда в жизни. После игры он привычно готовил себе ужин, ненадолго присаживался к телевизору, чтобы составить компанию матери, и вскоре шел спать. В разговорах с Кэсси он никогда не указывал на эти различия. Для нее важно было считать, что они с ним на равных.

– Подыхаю, – сказала Кэсси, когда они, получив свои заказы, расположились за столиком.

– А что так?

– Домашняя вечеринка.

– Ага.

– Когда мне пришлось вставать ни свет ни заря, некоторые еще не ложились. Короче. Нефиг баловаться кетом, когда на завтра к девяти на работу.

– Запомню.

– Я стараюсь воздерживаться. Но на кет и суда нет.

Она и в самом деле воздерживалась. В магазине появлялась вовремя, исправно обслуживала покупателей, хотя Джозеф догадывался, что за прилавком стоит одна телесная оболочка. Знать наверняка он не мог, поскольку в другом состоянии ни разу ее не видел, но надеялся, что внутреннего содержания в ней все же больше, чем ему виделось по утрам в субботу.

– И что ты там отчебучила?

– Да я тихарилась.

– Правильно делала.

Она не слушала. Джозеф видел, что она чем-то удручена, но не этим бедственным похмельем.

– Можно задать тебе один вопрос? – в конце концов решилась Кэсси.

– Наверно, нельзя.

– Уверен?

Так говорили белые студенты вместо «Я не прикалываюсь, но...». Дальше следовало нечто ни разу не смешное и непременно, непременно связанное с цветом кожи. Формулировка Кэсси ему даже нравилась, но сама тема была неприятна и не к месту.

– Не на сто процентов. Говорю же: «Наверно».

– То есть лучше не спрашивать?

– Даже не знаю. Но если ты опасаясь, что получится оскорбительно, то, думаю, лучше не надо.

– По-моему, это не обидно. Но если ты скажешь «стоп», я тут же заткнусь.

Джозеф промолчал, тем самым выразив полную меру внимания и сопротивления.

– То есть ты говоришь «спрашивай»?

– То есть я молчу.

– Ладно. Только я подзабыла, как понимать твоё молчание.

– Господи, Кэсси. Ну давай уже не тяни.

– Насчет отношений.

– Так-так. Это как раз по моей части. Теперь понятно, почему ты обратилась именно ко мне.

– На самом деле это касается не просто отношений.

– Ты жжешь.

– Это касается отношений с черными парнями.

– Насколько я знаю, практически нигде в мире это нынче законом не возбраняется. Но в некоторых регионах такое, по всей видимости, более проблематично, чем в других. В Северном Лондоне – норм.

– Ой. Да. Нет. Я не о том...

– Шутка юмора.

– Ясно.

– Итак?..

Она набрала побольше воздуха:

– Скажи, это правда, что черным девушкам не нравится, когда белые девушки встречаются с черными парнями?

– А ты встречаешься с черным парнем?

– Не встречаюсь. Но опыт имею. И хотела бы замутить по новой.

– Уверен: с его стороны возражений не будет.

По субботам Кэсси выглядела не лучшим образом, но Джозеф понимал, что при желании она без труда замутит с кем угодно.

– Да, но это будет неправильно?

Эта фигня уже стала ему надоедать.

– Я-то откуда знаю?

– Вот ты бы стал встречаться с белой девушкой?

– Почему ты не спрашиваешь, есть ли у меня такой опыт?

– Да, действительно. Есть ли у тебя такой опыт?

– Конечно есть.

– А кто-нибудь типа осуждал?

– Осуждал. Ее дед.

– Он расист?

– Нет. Он веган. И осуждал мое место работы.

– Правда?

– Нет. На самом деле он расист.

– Допустим. Но я спрашиваю насчет... типа... твоего сообщества.

Его сообщество. Своим сообществом ему по-прежнему хотелось считать тот район, где он живет: где соседствуют белые старушки, парни-мусульмане, литовская молодежь, девушки смешанного происхождения, главы семей – азиаты-таксисты. Но это было бы ошибкой. Его сообщество простиралось от Лос-Анджелеса до Нигерии, а там и до Ливерпуля. Это сообщество было слишком многолюдным, и Джозеф знал о нем самую малость.

– Нет, – ответил он. – Соседи относились к этому с полным пониманием.

– А почему вы с ней разбежались?

– Потому что я сходил налево, а она узнала. Это для тебя плохой пример.

Она покосилась на него с неодобрением.

– В девятнадцать лет, – добавил он, – такое случается.

– Все отношения, которые у меня были, оканчивались чьей-нибудь изменой, – призналась Кэсси.

– Думаю, это в порядке вещей, – сказал Джозеф. – Пока люди не состоят в законном браке и пока один из них не умер.

Они молча обмозговали этот вопрос и больше не касались темы отношений.

Симпатичная брюнетка пришла в дождливый день; магазин, считай, пустовал. Чтобы ее обслужить, он чуть не оттолкнул Кэсси. Та покупательница больше не появлялась вместе с горластой блондинкой, и Джозеф мог только гадать: это простое совпадение или же причиной стал он сам? Над этим вопросом он ломал голову недели три, если не больше; отмахнуться не получалось. Размышляя, не потому ли брюнетка приходит одна, что пытается с ним флиртовать, он вместе с тем задумывался: быть может, с ним самим что-то не то? Возможно, ему требовалась подруга. Он уже довольно долго скучал в одиночестве. Возможно, отсутствие секса склоняло его к мысли, что женщины, которые просят рульку ягненка или грудку куры свободного выгула, на самом деле просят кое-чего другого. Возможно, когда горластая блондинка заговорила о филейной свинине, она и впрямь имела в виду мясную вырезку. Он даже решил навести справки, не встречается ли Кейла с Энтони Т.-К. по сей день.

– Здравствуйте, Джозеф.

– Здравствуйте.

– Так. Что же я хотела взять? Ах да...

– Прошу прощения, но я не знаю, как вас зовут, и в ответ могу сказать только «здравствуйте». Получается как-то не слишком вежливо.

– Ой, не переживайте.

Вот зачем она сказала «не переживайте» – чтобы его не обидеть? Или чтобы не называть свое имя? Если она шифруется, то лучше ему сделать над собой усилие, чтобы никогда больше ничему не удивляться.

– Так. Стейков. Побольше. И котлеты.

– Хорошо. Побольше стейков – это сколько?

– Сколько ни куплю – они все сметут, но для меня это дорого, а для них – не полезно.

Значит, без имени. Он редко чувствовал себя круглым дураком, особенно в женском обществе, хотя женщин ее возраста среди его знакомых было крайне мало, а он даже не знал, сколько ей лет. (Тридцать пять? Он надеялся, что не больше. С разницей в десять лет он бы еще смирился – о'кей, тринадцать, но это уже край.)

Да пошло оно все к черту. Кто его просит мириться незнамо с чем? Уж всяко не она, это точно. Она даже имени своего не сказала.

Как же это началось? Впервые она привлекла его внимание, войдя вместе с горластой блондинкой; вероятно, в тот раз у него почему-то возник вопрос: которую из двух он бы выбрал под дулом пистолета? Порой такие вопросы помогали скоротать время. А когда он увидел ее

повторно, в голову ему пришло, что сейчас бы пистолет уже не понадобился, да и на прошлой неделе тоже. У нее были прекрасные глаза, улыбка, способная обогреть даже холодильную камеру, а весь облик ее говорил о том, что прошлое нанесло ей какую-то рану. Хорошего в этом, конечно, мало, но у большинства покупателей вид был такой, будто с ними вообще ничего не случилось. Он и сам, в принципе, не знал особых бед по сравнению с другими черными ребятами у себя «на районе», но в поздний час ему нередко преграждали дорогу к дому полицейские и заставляли выворачивать карманы, а каждый такой случай отдалял его от этих журналистов, актеров и политиков, которые по субботам навевались в мясную лавку за органической говядиной. Заценить женские формы он сейчас не мог: в феврале, да и в марте эта покупательница утопала в просторной парке. А он знал, что формы не так уж важны, если ты, прокручивая в голове всякие игры, не вспоминаешь про пистолет. Взять хоть ту горластую блондинку: формы у нее были – закачаешься, но если он пытался думать о ней в подобном ключе, то видел одно лишь скудоумие, а слышал только громогласные сальные шуточки. Нет, миленькая брюнетка куда лучше подходила на роль образца. Он решил взять на заметку ее внешность – глаза, улыбку, грусть – и попытаться найти свою ровесницу, хотя бы отдаленно похожую на нее.

– Люси, – неожиданно выпалила она. – Это мое имя. Вы, наверное, подумали, что я веду себя неадекватно.

В магазин зашел кто-то еще: мужик с собакой. Вход с собаками был воспрещен, но с этим могла разобраться и Кэсси.

– Да нет. Я просто подумал, ну, вы понимаете: с чего бы это ей сообщать мне свое имя?

– Зато теперь вы можете думать: с чего это Люси сообщила мне свое имя?

Он посмеялся, чтобы показать, (а) что ценит юмор, (б) что настроен дружелюбно и (в) что ему не надо приставлять к виску пистолет. Шутку насчет пистолета она бы с ходу не поняла. Сложновато.

– Вы живете где-нибудь по соседству? – спросила она.

– Можно и так сказать. В Тотнэме.

– Вот как.

Она явно была разочарована. Что ж, если двадцать минут на автобусе – это далеко, значит она, скорее всего, не больно-то в нем заинтересована.

– Мне сегодня вечером не с кем оставить детей, вот я и подумала: может, вы порекомендуете кого-нибудь надежного из живущих поблизости знакомых.

– Я и сам часто за чьими-нибудь детьми присматриваю. Правда, сегодня вечером никак не получится.

Неужели сегодня никак? Да, сегодня никакой возможности. Он уже обещал посидеть с близнецами – в третий раз за минувшие полтора месяца.

– Вообще-то, по субботам у меня руки развязаны. Отец забирает детей к себе. Но на этой неделе... в общем, сегодня не забрал. Ну ничего. Я отменю договоренность.

– Нет-нет. Не надо. Я как-нибудь отмотаюсь.

– Точно? Это было бы здорово.

– Без проблем.

– Дайте мне, пожалуйста, ваш номер телефона: я пришлю подробные инструкции, как нас найти.

Кэсси и не думала разбираться с собакой. Делая вид, будто никакой собаки в магазине нет, она взвешивала собачнику бекон. Джозеф покосился в ее сторону и кивнул на животное. Перехватив его взгляд, Кэсси пожала плечами.

– Обязательно.

Достав из маленького прозрачного контейнера, стоящего на прилавке, карточку магазина, Джозеф записал на ней свой номер.



– Большое спасибо, – сказала Люси.

Забрав карточку, она вышла.

– Будьте добры, выведите, пожалуйста, песика на улицу, – обратился Джозеф к покупателю, как только за ней закрылась дверь.

– Я сейчас ухожу, – ответил собачник.

– Да, но у нас будут неприятности, если сейчас войдет босс и увидит собаку.

– Если вы доставите неудобство покупателю, у вас будет еще больше неприятностей.

– Привяжите его у входа, – сказал Джозеф.

– Ничего страшного, – бросила Кэсси, протягивая этому хлыщу пакет с беконом.

– Спасибо, – кивнул хлыщ. – Приятно видеть, что у вас не весь персонал бестолков и агрессивен.

В магазин вернулась Люси.

– Я же мяса не купила, – сказала она, не обращаясь ни к кому в отдельности. – А, здравствуй, Дэвид. Здравствуй, Сенна.

«Дэвид» относилось к мужчине, «Сенна» – к собаке. Джозеф догадался, что кобеля назвали в честь Айртона Сенны: собачник явно был из тех придурков, которые смотрят «Формулу-один».

– Как поживает Эмма?

Джозеф знал почти наверняка, что Эмма и есть та горластая блондинка. Если это ее муж, то все сходится: оба сотрясают воздух и оба уверены, что всем вокруг интересно их слушать.

– Прекрасно, – машинально ответил Дэвид. Мыслями он оставался в той перепалке. – На твоём месте, – продолжил он, – я бы потребовал, чтобы меня обслужила эта девушка, а не хамоватый юнец.

– Вы собаку выведите, – повторил Джозеф. – А поболтать можно в другом месте.

– Прошу прощения? Поболтать я остановлюсь там, где сочту нужным.

– Давай выйдем, – предложила Люси.

На миг создалось впечатление, что Дэвид воспротивится. Начни он скармливать кобелю сырое мясо посреди торгового зала, чтобы только оттянуть свой уход, Джозеф ничуть бы не удивился, но хлыщ вздохнул, стрельнул взглядом в его сторону и последовал за Люси на улицу.

– Показал себя во всей красе, – обратилась она к Дэвиду, как только они оказались на тротуаре, где Джозеф не мог их услышать.

– Что такое?

– Нашел, где давить на людей авторитетом.

– Я как раз собирался расплатиться за бекон, а этот юнец стал меня выпроваживать.

– Во-первых, он не поганец.

– Ох, началось.

– А во-вторых, чем он хамоватый? Он настаивал на соблюдении правил торговли, разве нет?

От возмущения Люси процитировала его неточно. Дэвид сказал не «поганец». Он сказал «юнец». Это большая разница, но Дэвид не собирался утихомиривать ее гнев. Он был из тех, кто может сказать и «хамоватый», не понимая этимологии этого слова. Ее корбило невежество.

– Я понятия не имел, что туда с собаками нельзя.

– По-моему, тебе стоит вернуться и принести извинения.

Дэвид издал недоверчивый лающий смешок.

– Еще чего!

– Я ни на что и не рассчитывала. Просто напомнила, как поступают нормальные люди.

– Рад был повидаться, Люси. Передам от тебя привет Эмме. Пошли, Сенна. – И начал что-то насвистывать, изображая беззаботность.

Ей не хотелось заходить в магазин – третий раз кряду – на нервах. Она понимала, что ее гнев несопоставим с масштабами конфликта и что перед встречей с Джозефом нужно хотя бы продумать, с чего начать разговор. У нее было такое чувство, что он не одобряет ее вмешательства, в котором видит нечто запутанное, но не доброжелательное и не здоровое. Неужели она так разгорячилась из-за того, что Дэвид – белый самодовольный тип? Кто заставлял ее вмешиваться? Что она хотела продемонстрировать Джозефу? Что она за него, а не за Дэвида? Зачем ей это надо?

Джозеф пришел ровно в девятнадцать тридцать, минута в минуту. Она оказалась не готова (и на этот раз решила сделать над собой хоть какое-нибудь усилие), но показала ему дом и познакомила с сыновьями, которые сидели за игровой приставкой.

– Это Джозеф. Джозеф, это Дилан и Эл.

– Кто есть кто?

Мальчишки дружно подняли руки. Люси вытаращила глаза.

– В школе они хорошо соображают. А дома – так себе.

– Я – Эл.

– Неправда, – сказала Люси.

– Это фотка Роналду? – спросил Джозеф.

Мальчишки посмотрели на него с интересом.

– Ты в «Фифу» играешь?

– Естественно.

– С какой версии начал? – спросил Эл.

– С «ФИФА-ноль-шесть».

– С «ноль-шесть»? Вау!

– Их тогда еще на свете не было, – сказала Люси.

– Ну, я-то старичок, – сказал Джозеф. – Короче, я вас обоих уделаю.

Дилан протянул ему джойстик.

– Минутку, – вмешалась Люси. – Я должна оставить ему инструкции, пока он не провалился в черную дыру.

– В котором часу отбой?

– Сегодня пусть сидят допоздна. Какой-то матч по телевизору.

– Эль-Класико? – уточнил Джозеф.

– Естественно, – ответил Дилан.

– Ого. Значит, я поиграю в «Фифу» да еще посмотрю Эль-Класико? У нас дома «Ская» нет. Боюсь, мне это будет не по карману.

– Это ж бесплатно, – сказал Дилан.

– Ясное дело, но мне, наверное, придется доплачивать вашей маме?

– Это она тебе будет платить. – Эл заговорил с таким видом, будто сообщил сногсшибательную новость. – Ты же бебиситтер.

– Мне кажется, это юмор, – сказала Люси.

– Типа того, – отозвался Джозеф.

– Эль-Класико – так и быть. Хотя я слабо представляю, что это такое. Но потом сразу спать.

– Будет исполнено.

– И чтобы без обмана, понятно? Эль-Класико – это ведь не на всю ночь?

– Да это просто футбольный матч.

– Отлично. Если захотите перекусить или выпить пива – не стесняйтесь.

- Пива, наверное, выпью, когда они отправятся по койкам.
- Я вернусь никак не позже двенадцати.
- Когда угодно. Киньте мне эсэмэс.

Когда она перед уходом поцеловала сыновей, они явно не верили своему счастью.

В тот день мальчишки остались с ней дома, потому что Пол накануне изрядно напился – за долгое время это был его первый срыв. Утром проснулся с похмелья, просто никакой, но хотя бы нашел в себе силы набрать ее номер и предупредить. Он не пытался уклониться от своего субботнего отцовского долга. Наоборот, Люси понимала, что он всегда ждет встречи с сыновьями, что они способны на пару дней облегчить его душевный разлад, придать форму и цель времени, которое в их отсутствие занимает одна лишь пустота. Ко всему прочему теперь он на себя зол: ведь эти выходные будут давить на него сокрушительной тяжестью, если, конечно, у него получится выйти из запоя, а если не получится, то его накроет разрушительной легкостью. Добро бы после срыва Пол сумел какое-то время продержаться – Люси постаралась бы себя убедить, что двое суток родительских обязанностей пойдут ему на пользу, но сейчас риск был слишком велик.

В других обстоятельствах она бы осталась дома, но сегодняшнего вечера ждала очень давно. Ее пригласила в гости подруга еще со студенческой скамьи, Фиона, со своим мужем Питом; окольными путями Фиона дала понять, что хочет познакомить Люси с недавно оформившим развод писателем, чье творчество той небезразлично.

Хотя сам он был на десять лет старше подруг, дети всех троих оказались, как выяснилось, ровесниками, и Фиона многозначительно добавила, что его бывшая жена довольно страшненькая. Когда-то она работала в издательстве, где печатался этот романист; там же завязалась их интрижка, которая, по выражению Фионы, была обречена с самого начала. А Люси просто хотелось легкого флирта. Она почти забыла, как это бывает.

Проза Майкла Марвуда отличалась трезвыми суждениями, ровным тоном и скромным листажом, хотя сам он в личном общении не показал себя ценителем краткости: Майкл Марвуд не умолкал ни на минуту, пока Люси к нему присматривалась, да еще у нее на глазах осушил два бокала вина. Его тягомотный рассказ о каком-то приеме на Даунинг-стрит дошел только до середины и состоял главным образом из перечисления громких имен – Люси не уловила ни текста, ни подтекста, и кстати: при ее появлении литератор бросил ей какое-то невнятное приветствие и даже не сделал паузу. Он нашел себе восторженную аудиторию (на ужин была приглашена еще одна пара, живущая по соседству: Марша и Клэр) и не собирался ею жертвовать в угоду кому бы то ни было. Даже когда Пит исчез в кухне и вернулся с горячим, Майкл и не подумал, что надо бы дать людям спокойно поесть.

За круглым обеденным столом он сидел по правую руку от Люси.

– Я на это надеялся, – заговорщически шепнул он, но все услышали, поскольку никто так и не посмел развязать язык.

– На что?

– На то, что нас посадят рядом.

– Не знаю, – сказала Люси, – вероятность была пятьдесят на пятьдесят.

– В компании из шестерых человек? Это уж надо быть совсем невезучим.

– Что ж. Наверно, я могла бы о себе сказать то же самое: меня ведь могли посадить с любой стороны от вас. А вы у нас один на всех.

Тут настала мимолетная заминка: оба прикидывали, верный ли взяли тон, однако разом отбросили все сомнения. Майкл повел плечами и рассмеялся, а Люси уже задалась другим вопросом: сможет ли она простить ему те нудные рассказы?

– Вы не вслушивались в мои нудные рассказы? – спросил он.

Она рассмеялась:

– Я застала только самый конец.

– Стыд и позор, да? Опрокинул в себя три бокала – и очнулся уже на середине истории. Но поверьте, я ничего не выдумал. Хотя какое это имеет значение? Простите меня. Теперь-то я протрезвел.

Такие извинения обезоруживали, и Люси мало-помалу начала открывать в нем более приятные черты. Стрижка модная, но соответствующая возрасту; аккуратная бородка с проседью. И приятный морской аромат, классический одеколон британского джентльмена, выбранный, очевидно, для довершения образа. Но приятный запах всегда хорош, а с какой целью выбран – не столь важно.

– Ну-с, – продолжил он. – *Как* вы поживаете?

Да-да, он сделал ударение на вопросительном слове.

Люси мысленно закатила глаза и тут же возненавидела себя за такую предвзятость. Наверно, ей на роду написано жить одной, довольствуясь редкими интимными эпизодами. Кто захочет связываться с женщиной, которую раздражает самый простой, самый незамысловатый человеческий вопрос? И все же: постороннюю женщину не принято спрашивать, как она поживает. Близкую знакомую или подругу – это пожалуйста. Такие расспросы предполагают, что тебе известны некоторые подробности ее прошлого, контексты, в которые она сможет вписать свой ответ, но он-то не располагал такими сведениями. Ей вспомнились молодые люди, которые останавливают прохожих с целью сбора средств на благотворительность: они используют аналогичные приемы, чем сразу выдают свою неискренность.

– Здравствуйте, – ответила Люси.

И сама смутилась. Она рассчитывала произнести нечто язвительно-сухое, вроде: «Пару дней хлюпала носом, но все обошлось», чтобы он над собой посмеялся, осознав притворную доверительность вопроса и невозможность ответа. Однако вместо этого он посмотрел на нее как на умалишенную и выдал:

– Еще раз здравствуйте.

Компания уже разбилась на пары, и за столом негромко фонтанировали разговоры, понятные только собеседникам. Майкл вознамерился придать фонтанчику еще более личный характер. Склонившись к Люси, он стал нашептывать фразы, которые она даже не могла разобрать. Ее порадовало то, что до застолья было отнюдь не очевидно: у Майкла имелся регулятор громкости. Правда, не столько ручка настройки, сколько тумблер с двумя положениями.

– Что, простите?

– Вы с самого начала знали, что нас с вами хотят сосватать?

– Я знала, что среди гостей будет одинокий мужчина. Это считается?

– Вы не против?

– Если Пит и Фиона решили пригласить на ужин одинокого мужчину, как я могу быть против?

– Вы прекрасно понимаете, что я имею в виду.

– Нет-нет, я не возражала. Я была уверена, что меня никто не будет насильно склонять к долгосрочным отношениям.

– Ага, понятно. Вы предпочитаете быстротечные отношения. Надо запомнить.

– Один вечер в гостях – вполне достаточный срок.

Только теперь Люси стала получать удовольствие от этого вечера в гостях. Она не собиралась злобствовать, но Майкл постоянно создавал такие ситуации, которые неизбежно провоцировали резкий отпор.

– А я читала ваши книги.

Она себя выругала. Теперь неловкость исходила от нее. Прежде ей не доводилось сидеть за столом с писателем, а тем более приглашенным для уравнивания шансов.

– Все?

– Не могу сказать. А сколько их всего?

– Семь, не считая поэтических сборников.

– О, с вашими стихами я как раз не знакома. Стоит почитать?

– Если нет желания, то не стоит.

– Ну как же: вы ведь включены в школьную программу.

– Да, слышал.

– И как ощущения?

– Это очень лестно.

– Значит, вам не хочется сунуть голову в петлю?

– Отнюдь! А по-вашему, напрасно?

– Ну, когда столько детей вас ненавидят...

– Меня как-то раз приглашали на встречу со школьниками – и вроде бы они вполне порадовались.

– И где это было?

– В Хайгейте.

– Ну, понятно. – Естественно, в Хайгейте, где же еще? – Неужели вам комфортно выступать в частных школах?

– В государственные пока не приглашают. Могу к вам в школу прийти, если позовете.

– Ну и что нам с вами делать?

У директора случился бы припадок, узнай он, что его подчиненная игриво отвергает подобные предложения Майкла Марвуда, хотя директор вряд ли слышал про такого писателя. Но прикрепить лишнее перо к своей шляпе никогда не вредно, а с какой птицы упало перо – это роли не играет.

– Вот, значит, как.

– Извините. У нас же школа не с литературным уклоном. Если дети хоть что-нибудь прочтут, это уже праздник.

– Я даже на «что-нибудь» не тяну?

– А что вы расскажете ученикам?

– Расскажу, как им повезло с учительницей литературы.

– Вы даже не знаете, какой из меня педагог.

– Я не имею в виду вашу организацию учебного процесса.

И посмотрел на нее в упор. У Люси закралось подозрение, что рядом с ней, как выражаются девчонки в школе, «факлан» – она запрещала им произносить это слово из-за первых трех букв, но в принципе такой неологизм можно было только приветствовать. Язык всегда изобилывал «шлюхами», «прошмондовками» и «профурсетками», а теперь вот появились «факланы», и то презрение, с каким школьницы выплевывали это слово, грело ей душу. Навскидку она бы сказала, что брак Майкла Марвуда распался лишь по той причине, что глава семьи показал себя факланом, или факменом, и даже если жена его действительно была страшна как смертный грех, это ни на что не повлияло. Супружеские пары имеют тенденцию распадаться, и распадаются они оттого, что разочарованная или неудовлетворенная сторона нашла себе кого-то другого – раз, другой, третий, а стало быть, возникает законный вопрос: быть может, разочарование и неудовлетворенность у некоторых в крови?

Впрочем, если заранее обдумать условия игры, ничто не помешает завести роман с факменом. У Люси не было секса уже год, а секса ни с кем, кроме Пола, – все двенадцать лет, и даже мимолетный прошлогодний эпизод оказался оазисом в пустыне, да и то это слишком сильная метафора, чтобы описать миг слабости и подавленности среди бескрайнего смятения. Она

делила свою душевную энергию между детьми и работой, но малую толику все же оставляла для себя, предаваясь фантазиям или простым размышлениям: где, когда, с кем. Так почему бы не с Майклом Марвудом?

Извинившись, она вышла из-за стола: во-первых, нужно было сбегать в туалет, а во-вторых, проверить телефон. Оказалось, что у нее пять пропущенных сообщений от Джозефа.

Джозеф описал все точно. У порога караулил Пол, который теперь сидел на тротуаре, привалившись к стене. Джозеф стоял в дверях, блокируя вход. Пока Люси расплачивалась с таксистом, в голове у нее металась только одна мысль: стена-то наверняка холодная.

Она склонилась над бывшим мужем:

– Что ты тут делаешь?

– Этот соплик бросился на меня с кулаками.

– До этого у нас состоялся разговор, – уточнил Джозеф. – Вам же ясно было сказано: в дом не пушу, а если потребуется, применю физическую силу. Я его не бил, – повернулся он к Люси. – Просто оттолкнул, он упал в кусты, а потом выполз.

– Спасибо, Джозеф. Закройте дверь и побудьте с мальчиками, хорошо?

– Если что – наберите мне.

– Спасибо.

Падавший из дверей свет померк, и Люси ненадолго застыла на тротуаре, не зная, что сказать и как быть. Ей хотелось присесть рядом с Полом, проявить к нему немного теплоты и участия, но шел всего лишь десятый час, и у нее не было ни малейшего желания объясняться с соседкой, которая пойдет выносить мусор или будет возвращаться из кино... Да и какие могли быть объяснения, кроме чистой правды: ее выдернули из-за стола, потому что бывший муж, он же – бывший алкоголик, повторно запил, хотя повторно не стал ей мужем. Она бы не возражала сохранить брак, потому что оставаться замужней женщиной – само по себе достижение, но бывает, что обстоятельства выходят из-под контроля, и таких обстоятельств накопилось не одно и не два. (Неужели они действительно вышли из-под ее контроля? Или она сама виновата? Женщина-психоаналитик не приветствовала такой ход мыслей, но время от времени перед Люси ребром вставал вопрос: а что, если алкогольная зависимость Пола развилась именно на почве их отношений, а не по воле Божьей и не в силу наследственности, хотя две последние причины – в сущности, одно и то же. Вероятно, не требуя она от мужа побольше того и поменьше этого, все осталось бы на своих местах. Что бы там ни твердила ей психоаналитичка, разве у кого-нибудь есть монополия на истину?)

– Встать сможешь?

– Зачем?

– Чтобы мне не пришлось вызывать полицию.

Он посмотрел на нее с глубокой обидой:

– А с какой стати?

– Ох, Пол.

– «Ох, Пол» – это не ответ. Довольно кормить меня своими «Ох, Пол». Я уже сыт по горло этими «Ох, Пол». Но почему-то ни разу не слышал...

На фоне избытка «Ох, Пол» ему определенно не удавалось придумать, чего же он ни разу не слышал, но и уходить от нащупанной темы не хотелось.

– Ни разу не слышал нормального «Пол».

– «Ох, Пол» выражает сочувствие и отчаяние. Меня переполняет и одно, и другое, но если второе мне неподвластно, то первое вполне можно урезать, если тебе от этого полегчает.

– Вот и нечего пороть всякую чушь про полицию.

Ей показалось, что вся злоба из него вышла и полицию вызывать не потребуется. А вдруг это повторится – что тогда? Она знала его как облупленного: двое детей, девять

или десять родительских вечеров, одиннадцать или двенадцать рождественских праздников, восемь-девять отпусков во Франции, пять сезонов «Прослушки», сотни половых актов и заказов еды на вынос. (Или тысячи? Если сложить половые акты и заказы еды на вынос, то как раз и получится четырехзначная цифра, только кто будет заниматься такими вычислениями?) А полиция тут с какого боку? Впрочем, узнай она от кого-нибудь из подруг, что к той в дом появился в ее отсутствие разведенный муж и устроил драку с бебиситтером, Люси настоятельно порекомендовала бы той женщине в судебном порядке лишить этого наглеца родительских прав.

– Я сейчас позвоню Ричарду.

– Нет. Чтобы ноги его тут не было, этого засранца.

– Он твой брат, ему не все равно, что с тобой происходит. И будь добр, придержи язык.

Можешь сегодня заночевать у него и Джуд.

Ответом Пола на такое предложение стала обильная рвота, сопровождаемая площадной бранью. При виде рвоты Люси испытала облегчение. Он, конечно, помучается, но хотя бы ощутит свою вину.

– Можно войти? Не сидеть же мне на улице.

– Мысль неудачная. Ребята смотрят футбол.

– Какой футбол в субботу вечером?

– Эль-Класико.

– Тьфу, йопта... – И сразу в полный голос: – Твою ж ма-а-а-ать!

И удар кулаком в стену.

«Йопта» означало всего лишь «совсем из головы вылетело: я бы тоже посмотрел, чем на улице сидеть». Второе ругательство, в развернутой форме, свидетельствовало, по мнению Люси, что Пол вспомнил о своих планах на этот уик-энд. Он обещал ребятам заказать пиццу, и каждый уже выбрал для себя начинки, а потом показать им, как делаются ставки, реальные ставки, реально денежные, через букмекерское приложение, которое он скачал на телефон. (Ставки будут в пределах одного фунта, заверил ее Пол, и, по его мысли, расчет был на стечение ряда невероятных обстоятельств, которое обеспечит астрономическую сумму выигрыша. Это полезно для развития математических способностей, утверждал он, тем более что дети пока что богатством не испорчены.) Но теперь он сам разрушил эти планы, он уничтожил вечер, которого ждали они все, и этот непристойный крик души (вкуче с более однозначным ударом по стене) выражал должное самоосуждение.

– Думаю, им не стоит смотреть на тебя в таком виде. Когда ты начал пить?

– До пяти все было в норме. Но по выходным, если рядом никого нет, пять часов – тяжелое время.

– Понимаю.

– Неужели?

– Да, представь себе. Когда дети по субботам с тобой, ощущение очень странное.

– В этот раз, поскольку накануне я выпил, у меня не получилось взять их к себе. И я добавил. С-с-сука.

– Да, ты говорил.

Пол беззвучно заплакал. По щекам стекали редкие слезы. Это была агония. Агония для него, агония для Люси, и эти две агонии, уже неразличимые, сплелись воедино, превратившись в облако мучительной тоски, которое накрыло обоих на темном, сыром, заблеванном тротуаре; Люси чувствовала, что должна убраться отсюда подальше и любым способом унести свое облако с собой, пока они с Полом оба не утратили дееспособность.

– Давай дойдем до конца улицы и вызовем такси. А я предупрежу Ричарда, что ты уже в пути.

– Как зовут парня, который мне врезал?

– Его зовут Джозеф. Сегодня он в первый раз подрядился присмотреть за детьми. И видимо, в последний, добавила она про себя.

– Извинись за меня, ладно?

– Притом что он тебе врезал?

– Это еще не все. Ты, очевидно, догадалась.

– Да, не скрою.

– Я, между прочим, одобряю. Готов поспорить, мальчишки его приняли.

– Ты тоже можешь когда-нибудь воспользоваться его услугами.

Они оба понимали, что в тот гипотетический вечер Джозеф, скорее всего, будет занят, но отчего же не помечтать? Пол явственно приободрился. Она позвонила Ричарду, проводила Пола до Бродвея, уломала «уберовского» таксиста посадить его в машину и вернулась домой. Сыновья, к негодованию Джозефа, одновременно смотрели в два экрана футбол и какой-то канал на «Ютубе», так что, сидя в наушниках, пропустили всю веселуху.

– Что так рано? – спросил Дилан. – Ты же говорила, сегодня нас будет укладывать Джозеф.

– Понимаешь, какая штука. Я доела горячее, но десерт не внушал доверия, и вот я дома.

Такую логику они понимали. Трудно было вообразить, чтобы сами они поступили иначе, даже в сорок лет, даже в гостях. Они бы помаячили на пороге и выговорили в одно слово, без пробелов: «Спасибо, все было очень вкусно, поставил тарелку в посудомойку».

– Что-что?

– Сними наушники.

– У меня только одно ухо включено. Что ты сказала?

– Я сказала, что доела горячее, но десерт не внушал доверия, и вот я дома.

– А что было на десерт?

– Почему мама так рано? – спросил Эл.

– Ей десерт не понравился.

– Что-что?

– Наушники сними.

– Я отключил.

Он их не отключал.

– МАМЕ НЕ ВНУШАЛ ДОВЕРИЯ ДЕСЕРТ.

– А что было на десерт?

– Она мне не докладывала.

– Небось фрукты.

– Фрукты – и все?

– Типа того.

– Нифига себе десерт.

– Дык... потому она и сбежала, вот тупорылый.

– Чего сразу обзывать-то?

– Пардон.

– Послушайте меня: вы можете еще немного поиграть. Мы с Джозефом будем пить чай.

– Что-что?

Последнее «что-что» сигнализировало о прерывании речевого контакта; Люси это поняла и ушла на кухню. Чая ей совершенно не хотелось. Ей хотелось выпить, но она стеснялась. Если такая тяга к алкоголю возникает оттого, что твой бывший приперся к дому и устроил драку с бебиситтером, не дает ли она тебе индульгенцию постфактум? Или же она выдает недопустимую зависимость? Опосредованный алкоголизм? Ей представилось, что для всех этих недугов существуют свои группы взаимопомощи. В Сети наверняка есть объявления



о том, что группа взаимопомощи «Ислингтонские опосредованные алкоголики» собирается, скажем, по четвергам в крипте церкви Святого Луки.

– Будет очень скверно, если я выпью бокал вина?

– Как сказать, – ответил Джозеф. – Вдруг алкоголь ударит вам в голову и вы броситесь на меня с кулаками?

– Это вряд ли.

– Тогда никаких возражений. Многие выпивают.

– И вы?

– Иногда.

– Может, составите мне компанию?

– А пива у вас, случайно, не найдется?

– Кажется, индус, когда я в прошлый раз брала у него еду навынос, положил мне в пакет бесплатное пиво.

Пошарив у задней стенки холодильника, она извлекла бутылку «Кингфишера». Половину Джозеф проглотил залпом, прямо из горла.

– Мне так стыдно за сегодняшний вечер, – сказала Люси, наливая себе вина.

– Да все нормально.

– Нет. Это не нормально. Я не предупредила, что есть такой риск, и вы были застигнуты врасплох.

– Такое уже бывало? С другими бебиситтерами?

– Нет. Более того, я сама этого не предвидела. Вероятно, мои защитные механизмы сочли, что с таким же успехом я могла бы вас предупредить насчет... насчет кражи со взломом. Или удара молнии.

Джозеф не сразу понял, чем плохи такие сравнения. Ясное дело: взломщики представляют опасность и удары молнии тоже; он давно взвесил риск того и другого. Но кто же мог знать, что у Люси есть бывший муж-алкоголик, способный нагряться в любую минуту? А такой посетитель будет опасней удара молнии. Он сродни заряженному стволу или завалившемуся в кармане ножу.

– Вашей вины здесь нет. – Немножко ее вины здесь все же было, как подсказывала аналогия с заряженным стволом.

– Я понимаю. Но мне так неловко. Ни дать ни взять эпизод из мыльной оперы... «Жители Ист-Энда».

– Наверно, потому народ так любит «Жителей Ист-Энда».

– Видимо, да. Но я-то завуч по языку и литературе в средней школе. Мне положено вести добропорядочную жизнь.

– Вы серьезно так считаете?

– Конечно. А как же иначе? У половины учеников пьющие отцы, которые приходят когда вздумается и устраивают скандалы. Мне не следует участвовать в подобных безобразиях.

Может, Люси и рада была бы сказать, что поняла свою оплошность, еще не договорив, но лгать она не собиралась. Джозеф тотчас же ухватился за ее слова, не дав ей возможности отыграть назад.

– Как понимать «в подобных безобразиях»?

– В тех скандалах, которые закатывают пьяницы-родители, приходя домой когда вздумается.

– Но вы как раз оказались втянуты в «подобное безобразие».

– Да, но не...

Люси осеклась. Теперь до нее дошло.

– Разве ваш пьяница-муж не таков, как те пьяницы-папаши?

– Я понимаю, что вы хотите сказать.

– Честно?

– Да. У меня те же самые проблемы, что и у других. У завуча по языку и литературе не может быть каких-то особых проблем.

– Вот именно, – сказал Джозеф. – В том-то и дело. Все беды начинаются в тот момент, когда мы связываем свою жизнь с другим человеком.

– Но мы по факту своего рождения уже связаны с другими людьми.

Он кивнул:

– Вот и я о том же.

У него оказался более цепкий ум. То есть она думала, что в силу их разницы в возрасте ей сойдет с рук некоторая заторможенность, но этого не случилось. Вероятно, она могла бы лучше ответить на вопросы викторины по Джейн Остин, но на этом и все.

– У вас в семье тоже некий хаос?

Джозеф понял, что настало время предложить что-нибудь ей в обмен – своих беспутных двоюродных и отщепенца-дядьку, но полоскать грязное белье самых близких, чтобы только успокоить Люси, не хотелось.

– В любой семье бывает хаос.

Он допил пиво.

– Я, наверное, пойду.

Из него будто выпустили воздух. Он себе напридумывал, как останется на ночь, а утром выскользнет из дома, пока не проснулись дети; схема, сама по себе довольно сложная, была дополнительно отточена за время просмотра футбольного матча вместе с Элом и Диланом до появления их отца. Но все фантазии разбились о события того вечера. Если ему когда-нибудь засветит переспать с Люси, он вначале разработает серьезный план, предусматривающий самые разные ходы и ответы. Он не был великим шахматистом, да и не видел в этой игре никакой сексуальной подоплеки. А эти раздумья и вовсе сломали ему весь кайф.

– Уже? Ну хорошо.

Неужели она тоже заскучала? Если да, то ей было так же далеко, как и ему, до интимной искры. А взаимная скука – это вовсе не признак взаимного притяжения.

### 3

Когда субботним утром Джозеф пришел на работу, Кэсси стояла на тротуаре, вперившись в витрину.

– В чем дело?

– Как это понимать? – спросила она.

– Что?

Она кивком указала на плакат. Таких вещей Джозеф просто не замечал. Надоело уже. Черными буквами: «23 ИЮНЯ ГОЛОСУЕМ ЗА ВЫХОД» на фоне «Юнион Джека» – и ничего более.

– А, это, – сказал Джозеф. – Надо понимать, он агитирует двадцать третьего июня голосовать за выход.

– Покупателям это не понравится.

– Покупателям плевать.

– Здесь, на районе? Скажешь тоже.

– Неужели кого-то интересует хренов Евросоюз?

До той минуты Джозеф вообще об этом не задумывался. Стоял апрель, до референдума оставалось больше двух месяцев. Вполне возможно, что сам он по примеру отца проголосует за выход, но как ни крути – на его жизнь это не повлияет. Мясо, качалки, футбол, подростки никуда не денутся.

– Если б мои предки такое увидели, ноги бы их тут не было, – сказала Кэсси. – Найджела Фараджа и Бориса Джонсона они на дух не переносят.

– Но твои предки не здешние, верно?

– Верно. Они в Бате живут.

– По-твоему, что Бат, что Лондон – без разницы?

– Этот район Лондона – все равно что их район Бата. Папа преподает актерское мастерство, мама – творческое письмо. Этот район им не по карману, но многие покупатели очень похожи на моих предков.

– А твои предки не станут голосовать за выход?

– Конечно нет. Еще не хватало.

Джозефу даже в голову не приходил такой ответ – «еще не хватало». Он считал, что каждый проголосует по-своему. Естественно, вариантов только два, но он вполне допускал, что, к примеру, мамаша Кэсси вполне может проголосовать не так, как отец. А теперь выходило, что все разделятся на «они» и «мы», только пока неясно, в какой лагерь кого занесет.

– О Фарадже я, честно скажу, вообще забыл, – сказал Джозеф.

– Его все терпеть не могут, – добавила Кэсси.

– Так и будем целый день в витрину таращиться? Я вам не за это деньги плачу, – с порога одернул их Марк.

Они вошли в торговый зал.

– Вы уверены, что вам нужен этот плакат? – спросила Кэсси.

– А что такого?

– Многим не понравится, – ответила Кэсси.

– У меня другой есть – заменить?

– А на другом что написано?

– «Европа – Сила». И первые буквы – красным: получается ЕС. Гениально придумано.

Только Марк способен заявить, что это гениально, подумал Джозеф. Подтянуть к слову «Европа» какое-нибудь слово на букву «С» – большого ума не надо.

– Постойте, – встрепелась Кэсси. – Значит, вам ничего не стоит поменять один плакат на другой?

– А мне-то что? Мне пофигу.

– Вы еще не определились, как будете голосовать?

– Я – за выход. Нечего бюрократию кормить. И албанцев этих.

– Албания не входит в ЕС.

– А кто входит?

– Испания, Франция, Польша, Ирландия, Германия, Италия... Вы хотите, чтобы я все страны перечислила?

– Ну, поляков тоже нечего кормить.

– Тогда зачем же выставлять плакат, который призывает к обратному?

– Если ты мне докажешь, который лучше для бизнеса, я и поменять могу, почему ж не поменять?

– Да потому, что вы декларируете то, во что сами не верите.

– Послушай. Меня, к примеру, от печенки воротит, но это ходовой товар, и чем больше народу ее покупает, тем лучше. Разве тут не одно и то же?

– Печенка – это не принципиальная жизненная философия.

– Для кого как.

– Нелюбовь к печенке – это философский принцип?

– По мне – да. Я в первую очередь бизнесмен и только во вторую – философ.

Во вторую? – усомнился про себя Джозеф. Это большой комплимент. В пятьдесят с лишним Марк, в котором росту под два метра и живого веса сто двадцать кило, такой же философ, как слон – балерина.

Похоже, Кэсси сдалась, но Джозеф ее не осуждал. Они пошли в подсобку надевать фартуки.

Около девяти утра ему пришло сообщение от Люси. Недели три они не общались: с того дня, когда он согласился посидеть с ее сыновьями. Она даже перестала заходить в магазин – ну или подгадывала время так, чтобы им не пересекаться. Сейчас она просила у него прощения, и он тут же ответил, что, мол, все нормально, однако факт есть факт. Совестно стало, не иначе. Тем не менее он по ней скучал. От этой эсэмэски прямо кайф словил, даже утренняя хмарь улетучилась от какой-то искры. Чтобы прочесть сообщение, он зашел в туалет: Марк не любил, когда продавцы за прилавком в телефоны смотрели.

Она спрашивала, бывает ли у него обеденный перерыв, и если да, не зайдет ли он к ним на яичницу с беконом. Мальчишки соскучились.

Жила она в пяти минутах – даже на транспорте ехать не надо.

**с ними нужно посидеть?** – набрал он. В шутку.

**Ох. Нет. Что вы.**

Именно так. Заглавное О, заглавное Н, заглавное Ч, да еще точки понатыканы. Сразу видно – училка, но Джозефу это в ней нравилось едва ли не больше всего остального. А почему – он и сам не знал. Никогда ему так грамотно не писали – это оказалось в новинку. И было в этом что-то завлекательное. Хотя что может быть завлекательного в правописании? Ответа он не находил, но поймал себя на мысли: а каково, интересно, с такой переспать? И еще напомним себе быть повнимательней. Вряд ли ее привлечет чужая неграмотность, как его привлекла чужая грамотность. У нее дети. Ему не улыбалось встать с ними на одну доску.

**Выхожу в 12:30**, напечатал он. Не стоило ли ради нее уточнить: «в 12:30 утра»? Хотя почему «утра»? «Дня». Или, например: «по полудне». Или «по полудню»? Решил оставить как было. Идея понятна.

**Глазунья пойдет?** – спросила она.

**Да**

Поразмыслив, он добавил восклицательный знак:

**Да!**

Так поживее посмотрится, решил он.

**Тогда до встречи.**

Дверь открыл Эл. В руках поднос, на нем стакан апельсинового сока, через руку переброшено полотенце – как заправский официант.

– Милости просим, – расшаркался он.

Джозеф взял стакан, и Эл тут же исчез.

По субботам Джозеф привычно покупал в соседнем кафе сэндвич, который съедал в подсобке. Но сейчас он вошел совсем в другое, солнечное помещение, где вкусно пахло беконом и кофе. На столе уже стояли тосты и джем, из портативной колонки струился джаз, а у плиты крутилась Люси с конским хвостом, стянутым резинкой. Три минуты ходу – и совсем другая вселенная. Люси с улыбкой обернулась:

– Привет. Сок не расплескался?

Джозеф кивнул на стакан. Он пытался понять, что же отличает ее от всех его знакомых. Ну да, почти без косметики, хотя все его знакомые девушки густо красились. Серый кардиган, совсем, казалось бы, для нее неподходящий. Сидит, правда, хорошо, красиво, а за счет чего – сразу и не скажешь. Не в обlipку, но и не балахонистый, лейбла не видно. И брови, кстати, обыкновенные. Не подбритые и потом наведенные черным, не выщипанные в тонкую густую щеточку. Ему понравилось, но он сам не знал, по какой причине: то ли потому, что непривычно, то ли потому, что это она. Дикость, конечно, на бровях заикливаться, но в последние года два у его ровесниц брови считались главной фишкой, и девчонки изгалялись как могли. Он вообще не понимал, в чем состоит назначение бровей, но уж всяко не в том, чтобы на них глазели. А если все же на них глазеют, значит, считал он, что-то пошло не так.

– Ну и хорошо, – сказала она. – Проголодались? Я не спросила: возможно, вы веган, или мусульманин, или еще кто-нибудь?

– В любом случае не вижу препятствий для яичницы с беконом.

– А все-таки?

– Ну. Как бы. Наверное. Христианин.

– Так. И в чем это вас ограничивает?

У него закралась мысль, что с ним, пожалуй, заигрывают. Она колдовала над сковородой, и в этих расспросах звучало только любопытство. Но у Джозефа почему-то перехватило горло, и вместо нейтрального, дружелюбного ответа вырвался какой-то отчаянный лай:

– Ни в чем.

Она рассмеялась:

– Такая религия мне по душе.

– Ну, то есть она не позволяет мне долго дрыхнуть по воскресеньям, а так...

– Вы каждое воскресенье ходите в церковь?

– Стараюсь.

Чтобы только не вступать в бесконечные воскресные пререкания с матерью.

– И верите в Бога.

– Если коротко, то...

Он сам не знал, да или нет. Допустим, он верил, что Бог сотворил вселенную, а дальше что? По воскресеньям, глядя на старушенций, занимавших первые два ряда, он задумывался, не слишком ли многих Господь оставил Своей милостью? Людям живется тоскливо, тяжело, но они как двадцать лет назад ходили в церковь, так и сейчас ходят – благодарят Бога. У Джозефа не возникало ни малейшего желания разбираться, почему лет пять назад идиоты из Грин-

Вуда громили магазины электротоваров, однако это был единственный вечер, когда его мать заперлась на все замки, чтобы удержать дома их с сестрой. И если бы ему предложили бить витрины кирпичами, а потом сидеть и ждать смерти, дабы поскорее войти в Царствие Небесное, он быстро нашелся бы с ответом.

– Извините. У вас времени в обрез – только на яичницу с беконом. Мальчики! Все готово!

Вошли ее сыновья, стукнулись с Джозефом кулаками и сели за стол. Им хотелось поболтать о футболе – реальном и виртуальном, а также узнать, когда Джозеф снова придет с ними нянчиться.

– Не зовут, – ответил он.

– Мы тебя зовем, – объявил Дилан.

– Перед этим я должна куда-нибудь уйти, – сказала Люси.

– Давай прямо сегодня вечером? – предложил Эл.

– Сегодня мне определенно некуда деваться, – сказала Люси.

– Тогда в следующие выходные.

– Хорошо, в следующие выходные, – согласилась Люси. – Если у Джозефа нет других планов.

– Никаких, – выпалил Джозеф.

– У меня тоже, – рассмеялась Люси.

Кофе был сварен в кофейнике, бекон приятно хрустел, а джем – подарок от коллеги-учительницы – удивлял домашним вкусом.

– Мы собрались для того, чтобы извиниться перед Джозефом и сказать ему спасибо, – твердо пресекла этот спор Люси.

– Извиняться совершенно не за что, – сказал Джозеф. – Никому из вас.

– Мы просто не хотим, чтобы вы, если еще соберетесь посидеть с ребятами, думали, что у нас всегда так.

Джозеф остановил на ней взгляд и расширил глаза: мол, зачем же при детях?

– Ребята в курсе, – сказала Люси.

– Ага, – жизнерадостно подтвердил Джозеф.

– Папа напился и стал распускать руки, – выдал Эл. – А ты ему врезал.

Джозеф не знал, куда деваться.

– Ну, типа того, – пробормотал он. – Так нельзя, конечно.

– Что ты, очень даже можно, – сказал Дилан. – Когда папа напивается, это вообще уже. Я и сам ему врежу, когда поднакачаюсь.

– То есть никогда, – равнодушно вставил Эл.

Из двоих он был младшим, но давно перегнал старшего брата.

– Я на дзюдо хожу. Могу даже взрослому сделать подсечку.

– Сначала на мне потренируйся, мелкий. Я тебя одной левой вырублю.

Мальчишки, подчистив свои тарелки, утратили охоту беседовать с Джозефом.

– Можно, мы играть пойдем? У нас там футбольный симулятор у обоих включен.

– Ну, раз такое дело, – протянула Люси. – Они ведут себя по-хамски, да, Джозеф?

– Я считаю, нормально.

Он постарался сказать это небрежно, чтобы не выдать своего желания от них отделаться. Не успел он закончить фразу, как их уже и след простыл. Люси пожала плечами:

– Еще кофе напоследок?

– Да, пожалуйста. – Он протянул ей свою кружку.

На оранжево-белом боку читалась надпись: «ЧАРЛЬЗ ДИККЕНС. „БОЛЬШИЕ НАДЕЖДЫ“». Высказываться насчет Чарльза Диккенса он не собирался. Всеу свое время. Ему бы сейчас разобраться с тем, что происходит в данный момент.

– Я даже не знаю, чем вы занимаетесь в свободное от работы время.

– Чем только я не занимаюсь. Понемногу за детьми присматриваю, понемногу футбольную команду тренирую, пару дней в неделю дежурю в подростковом клубе, диджеем подрабатываю.

Вот зачем он сболтнул про диджея? В его послужном списке диджеем проходил и наиболее интересной, и наименее правдивой строчкой. Но зато благодаря этой детали он не выглядел как недотепа, хватающийся за все подряд.

– О, еще и диджеем? Потрясающе.

Черт.

– Я, вообще-то... В клубах и на частных вечеринках я работаю довольно редко... Пока что... Мне нужно отшлифовать свою оригинальную программу.

Здесь, по крайней мере, вранья не было. Точнее, было, но куда меньше, чем в бахвальстве про клубы и частные вечеринки.

– И что потом с ней делать?

– Исполнять публично. Обзаводиться фолловерами. Кто-нибудь из нужных людей непременно ее услышит и предложит контракт.

– Неужели в наши дни такое бывает?

– В общем, да.

– Что ж, удачи.

– Мы, наверное, еще увидимся, пока я не достиг особых высот.

Он читал ее мысли: нынче каждый рвется стать звездой. Ее сыновья наверняка метили в видеоблогеры с миллионами подписчиков; ее ученики наверняка рассчитывали засветиться в «Икс-факторе» или на «Острове любви». А тут еще один такой. Кичится своими способностями, кичится своими идеями. Но у него есть голова на плечах. И он давно для себя решил, что через пятнадцать лет, если все будет путем, откроет собственный спорткомплекс.

– Почему вы давно в магазин не заходили?

– Стыдилась. Думала, что прежде должна вас отблагодарить, причем не эсэмэской и не через прилавок.

– Откуда мальчишки знают про эту... эту... стычку?

– Им Пол рассказал.

– Вот оно что. А зачем?

– Не знаю. Точнее, знаю. На данном этапе для него очень важна честность. Ему назначили куратора, так что все идет заведенным порядком. Но что-то его подтачивает изнутри. Для детей этот случай не стал потрясением. Они и раньше видели, как отец творит всякие глупости.

– Вам, наверное, тяжело приходится.

– Думаю, ему куда тяжелее. Как глава семьи он не состоялся, с родительскими обязанностями не справился.

– А сейчас уже слишком поздно?

– Для восстановления брака – да. Для отцовских обязанностей – нет. Хотелось бы надеяться. Возможно, с возрастом сыновья пойдут на принцип. Но пока они не злобствуют. А у вас нет желания завести детей?

– Не знаю. Я, честно говоря, об этом не задумываюсь.

Пусть это глупо, но ему не хотелось говорить о том, чем он собирается или не собирается заниматься с другой женщиной. (Он был почти уверен, что дело упирается в другую женщину. Отношения с Люси как-то откладывались.) Он взглянул на телефон:

– Мне пора.

– Спасибо, что зашли.

– Ой да не за что. Мне было приятно. Лучший субботний обед в моей жизни. Слушайте, можно кое-что спросить?

– Конечно.

- Вы ведь знаете про референдум? Как вы собираетесь голосовать?
- Это слишком личный вопрос, молодой человек.
- Ой. Да. Простите.
- Шучу. Я за то, чтобы остаться в составе ЕС.
- А вам известен хотя бы один человек, который будет голосовать за выход?
- Мои родители. Но они читают «Дейли телеграф» и живут в Кенте.
- И этим все объясняется?
- Думаю, да.
- Ладно. Спасибо. У нас на работе как раз сегодня утром был такой разговор.

На миг у него мелькнула мысль рассказать ей об устремлениях людей своего круга: отца, некоторых посетителей спортзала, но хозяйка дома, похоже, уверовала, что дала единственно правильный ответ, просчитав настроения всего мира взрослых, и он решил закрыть эту тему.

Она проводила его до дверей и расцеловала в обе щеки. От нее исходил какой-то незнакомый аромат – ни от одной девчонки, с которой он целовался, так не пахло. Пожалуй, это были даже не духи – ему не шибануло в нос. Это был запах то ли крема, то ли мыла, тонкий и легкий, взрослый. Ее поцелуи, ее запах были под стать серому кардигану и бровям. Они лишили его покоя. По дороге в магазин у него начался небольшой озноб. Если он не найдет себе подругу, то рехнется окончательно. Самому себе он и так виделся идиотом. Нечего заикливаться на бровях. И хвататься за Диккенса из-за какой-то кружки.

Он познакомился с Джек потому, что к этому не стремился, хотя в его жизни бывало много обратных ситуаций. Когда он в спортзале убирал бадминтонные сетки и устанавливал ворота для мини-футбола, к нему подошла какая-то девушка и поинтересовалась, есть ли у них женские команды.

- Подруга узнать просила, – сказала она.
- В данный момент нет, но мы над этим работаем, так и передай.
- Я и есть подруга, – сказала она.
- Чья?
- Ну, просто так говорится, понимаешь? «Подруга узнать просила». Типа «Не подсказешь ли, как подъехать к симпатяге-парню, который работает в спортзале и меня в упор не видит? Подруга узнать просила».

– Теряюсь.

На самом-то деле он не терялся.

- Ладно, тогда предположим, что в спортзале работает клевый парень.
- Хорошо.
- Ну так как мне к нему подкатить?
- Могу тебя отрекомендовать.
- А вдруг это ты и есть?
- Я?
- Господи. Ну конечно.
- А что за подружка – я ее знаю?

Он нарочно ее заводил и с равным удовольствием наблюдал, как она кокетничает и в то же время раздражается.

- Да это я, блин, подружка.
- То есть ты и сама подруга, и ее подружка?
- Да нету никакой другой – ни подруги, ни подружки. Есть только я. Это я та девушка, которая придумывает, как бы в спортзале потрепаться с симпатичным парнягой – с тобой.
- Мы и так треплемся битый час.
- Треплемся, да все не о том.



– А ты о чем хотела?

– О том, когда гулять пойдем.

Только сейчас Джозеф обратил на нее внимание. При прочих равных обычно все дело решают глаза, и не только потому, что глаза – украшение лица. Глаза – это, как ни крути, самое главное: по глазам сразу видно и умных, и добрых, и юморных, и голодных, причем во всех смыслах: и в прямом, и, что еще интересней, во всяких переносных, порочных. У Джек были обалденные глаза: большие, карие, живые. Но все прочие условия должны быть равными, и он, даже особо не вглядываясь, сделал вывод: равенства было полно.

– В четверг, – ответил он.

– Потому что у тебя есть девчонка и вы встречаетесь по выходным?

– Потому что я вкалываю на нескольких работах, в том числе и в пятницу вечером.

– Хороший ответ, это зачет.

Брови все ж таки выщипала, но в пределах разумного. Между прочим, он только сейчас это заметил, то есть в глаза не бросалось. Видимо, она больше стремилась акцентировать полное равенство, хотя не исключено, что такое впечатление создавалось естественным образом – за счет спортивной формы. Не зря же подкатила к нему до захода в раздевалку – определенно не пыталась ничего скрыть.

– А со своей девушкой я встречаюсь по средам и субботам.

Со смехом Джек ткнула его в плечо. Он решил, что это добрый знак.

– Меня, кстати, зовут Джек.

– Привет. Джозеф.

– Не Джо?

– Ни разу.

– Понятно.

Они вбили номера друг друга в телефоны, и Джек отправилась искать велотренажеры.

После своего внезапного бегства из гостей Люси не ожидала, что Майкл Марвуд когда-нибудь напомнит о себе, но тем не менее однажды вечером, когда она собиралась кормить сыновей ужином, он все же позвонил.

– О, привет.

Ей хватило присутствия духа, чтобы не растягивать второй слог. Протяжность гласного выдала бы ее энтузиазм и волнение, чего ей совершенно не хотелось. А разволновалась она изрядно от первой же фразы – не факт, что на радостях, но из-за приложенных им усилий: ясное дело, чтобы раздобыть номер мобильного Люси, ему пришлось звонить Фионе, та не упустила случая его слегка подколоть, он это кое-как выдержал – и вот результат. Звонил он не просто так, а с умыслом. Умысел всегда завораживает, точнее, раньше завораживал, давным-давно, когда ей еще звонили с умыслом.

– Какие у вас планы на завтра? У меня есть предложение. Не хотите сходить на кинопремьеру? Только должен предупредить: фильм, подозреваю, совсем не шедевр.

– Так-так.

– А значит, и премьера обещает быть не слишком гламурной.

– Так.

– Заметано?

Она рассмеялась:

– Заметано.

– Но прошу вас: не судите обо мне по бездарным фильмам, которые сняты по книгам моих приятелей.

– Вот, оказывается, что нас ждет? Бездарный фильм, снятый по книге приятеля?

– Чур, это без меня, – сказал Эл, разложивший школьные тетради на кухонном столе.

Она покачала головой и скривилась.

– Подъезжайте прямо туда, хорошо? – попросил Майкл. – Белсайз-парк – знаете этот район? Пускать начнут в семь.

– Тогда до завтра.

Ее сообщение застало Джозефа все в том же культурно-спортивном центре, где он сидел у бассейна в кресле спасателя: в воде находилась только одна женщина, которая расхаживала по дну туда-обратно. Так поступали многие немолодые посетители, которые восстанавливались после каких-либо травм. Ничто не предвещало, что она скоро утонет.

**Вы свободны завтра вечером?**

И не успел он ответить, как последовало продолжение: **У меня намечается реальное свидание.**

**Ха,** ответил он. **У меня тоже.**

**Девушка, надо думать, хорошая?**

**Честно – не знаю.**

А потом: **Но суперская.**

**Суперская – это здорово.**

**Да, я свободен мпр... между прочим.**

**Пацтулом! Я знаю «мпр»! Мой кавалер не суперский. Староват. Но привлекательный.**

**Значит горячий.**

**Еле теплый.**

**Сколько ему?**

**Не знаю. За пятьдесят?**

**А вам?**

**Ха. Что за вопрос? А вам-то сколько?**

**22**

**Ох. Я надеялась, ответа не будет.**

И после короткой паузы: **Мне сорок два.**

Нифига себе. Он счел за лучшее не реагировать.

**Время?**

**Пораньше, ок? 17:30–18?**

Джозеф начал вбивать анекдот про влюбленных старичков, но передумал и стер.

**Отлично**

Только он хотел убрать телефон, как раздался еще один короткий сигнал.

**В каком смысле она суперская? Просто интересно.**

**Ну в обычном**

И дальше:

**Ничего из себя не строит**

**Но она хорошая?**

**Еще не разобрался**

Надо хоть что-нибудь ответить, раз уж они вплотную приблизились к этой теме. Надо хоть что-нибудь ответить, но в то же время он знал наперед, что горько пожалеет о каждом отправленном слове. Значит, лучше напустить туману.

**Суперских много разных**

А что, неплохо получилось. По крайней мере, теперь отпала нужда мчаться к ней, чтобы выхватить у нее мобильный.

**Суперских много разных.**

Не унизительно ли будет помечтать, что он расширил определение, дабы включить туда и ее? Или же он намекает на Майкла? Нет, вряд ли, непохоже. Они ведь отошли от темы Майкла, правда? А если он говорит о ней, объясняет, что она, с его точки зрения, суперская в одном смысле, а та, с которой он будет встречаться в четверг вечером, – в другом... Да нет, зачем искать здесь какой-то смысл?

То-то и оно. Из нее такой же супер, как из мамы Джозефа. Вывод, конечно, неутешительный. Ни в данном контексте, ни в каком другом ей вовсе не льстило сравнение с матерью Джозефа. Она заново прочла весь тред, чтобы лишний раз убедиться... «в обычном»... «ничего из себя не строит», «еще не разобрался»... «суперских много разных». Покажи она эту переписку кому-нибудь из подруг, те мигом разнесли бы в пух и прах эту ободряющую теорию материнского дуализма, отчасти на том прочном, казалось бы, основании, что Люси Джозефу не мать. Но в том-то и заключается перекося дружеских суждений. У подруг та же установка: ободрять и поддерживать. Но как решить, которое из двух конкурирующих ободрений ближе к истине? Ведь смысл моральной поддержки в том и состоит, чтобы ободрять без оглядки на истину.

Она сидела у себя в кабинете, почти одна: десятиклассница Мисси, которую молоденькая учительница, коллега Люси, выставила из класса, когда та из ревности запустила учебником в голову сопернице, жалась в углу и делала вид, будто изучает свои конспекты. Кто-кто, а Мисси проницательно и со знанием дела истолковала бы эти двусмысленные сообщения, но обращаться к ней было непедagogично.

**Сколько бывает суперских типов личности?** – напечатала Люси. Первоначальный обмен сообщениями закончился несколько минут назад, и она решила повторить некоторые ключевые слова, чтобы вернуть Джозефа к теме. Такая настырность выдавала ее с головой.

Удалив текст, она написала:

**Сколько?**

Нет, он не поймет. Пришлось опять стереть.

**Сколько бывает различных суперских типов?** – напечатала она. Еще раз удалила. И вернулась к варианту «Сколько?». А если не поймет, то она и объяснять не станет... если, конечно, он не попросит. Неожиданно для себя она это отправила и уже готова была мчаться к нему неизвестно куда, чтобы выхватить у него мобильный.

## 4

У кинотеатра никакого ажиотажа не наблюдалось; Майкл фотографировался вместе с человеком своего возраста – очевидно, с тем самым приятелем, судя по смущенному, даже виноватому лицу этого бедолаги. Съемку вела молодая женщина, причем на телефон, так что предвкушать появление снимков на сайте какого-нибудь таблоида или в журнале «Hello!» было бы напрасно. Люси предположила, что в роли фотографа выступает сотрудница издательства, где печатался тот несчастный, чей роман, если верить Майклу, беспощадно искромсали.

Заметив Люси, Майкл извинился и поспешил к ней, чтобы обнять и расцеловать в обе щеки. Девушка с айфоном, улыбнувшись в их сторону, тут же запечатлела момент объятий.

– Ой, – спохватился Майкл. – Нет-нет. Поймите...

– Ой, – спохватилась девушка. – Удалить? Сейчас удалю.

– Нет, удалять совсем не обязательно, – смягчился Майкл.

– Хорошо. Тогда что? Сохранить?

Повернувшись к Люси, Майкл неловко засмеялся.

– Вам не трудно будет переслать их мне? – обратилась Люси к девушке.

– Непременно. Пока мы здесь, оставьте мне ваш номер телефона.

– Очень мило с вашей стороны, – сказал Майкл, когда девушка-фотограф отошла. –

Кстати, здравствуйте.

– Здравствуйте.

– Как я уже говорил, сегодняшнее событие, возможно, не из тех, что запоминаются на всю жизнь. Но мне лестно, что вы захотели получить эти фотографии.

Фотографии были ей даром не нужны. Она всего лишь хотела пресечь мучительное обсуждение: удалить или сохранить. Но Майкл Марвуд, не дав ей опомниться, уже заключил, что она в восторге и от этой тусовки, и от их свидания.

– Перешлете какую-нибудь одну мне, когда получите?

Она поняла: его просьба не более чем дань вежливости, а на самом деле эта премьера для него – пустая трата времени.

– Мне они вообще не нужны, – сказала Люси.

Вновь перегнула палку, но уже в другую сторону.

– Я только для того их попросила, чтобы бедная девочка не переживала за свою оплошность.

– Ага, – сказал Майкл. – Понятно. Что ж. Меня поставили на место. У вас это хорошо получается.

– Я не так выразилась... то есть... мне бы они безусловногодились. Со временем. Если я... Если мы... В общем, свой номер я ей оставлять не собираюсь.

Майкл рассмеялся:

– Ну, забудем.

А как еще было поступить в первые десять секунд свидания, чтобы тебя прекратили увековечивать для истории: неужели ждать, пока у девушки не закончится место в телефоне?

Фильм «Душевные струны» повествовал о судьбах двух незнакомых людей, которые ведут уединенный образ жизни в разных концах страны и знакомятся в Сети на почве общего интереса к средневековой музыке, в особенности лютневой. Кого интересует лютня, для тех «Душевные струны» могли стать настоящим подарком: многие ли знают, что городок Хейлзмил в графстве Суррей, родина инструментальных мастеров Арнольда и Карла Долмеч, играет такую роль в фольклоре лютнистов. Или что в Лондоне есть голландская церковь, где проводятся концерты лютневой музыки, – там-то и пересеклись в конце концов пути героев фильма.

Или, например, что после двухчасового замогильного пения этого инструмента у человека возникает неодолимое желание собрать все имеющиеся в стране лютни, чтобы устроить из них гигантский костер.

Люси понимала, на что рассчитывали создатели фильма. Они хотели, чтобы по будням пенсионерки из среднего класса, в том числе и ее мать, скупали дешевые билеты на дневные сеансы и наводняли местные кинотеатры, а потом советовали всем знакомым непременно посмотреть этот фильм в ближайший будний день. Но даже ее мать с трудом выдержала бы такую удручающую скуку, а вдобавок и сомнительную психологию главной пары. С какой стати одинокая женщина всучила свою лютню недоразвитой девочке-подростку, причем именно в тот момент, когда, по всему, должна была вот-вот обрести счастье с концертирующим лютнистом? С какой стати одинокий мужчина держит у себя в спальне коллекцию плеток, причем на видном месте, рядом с зеркалом?

– В книге эти плетки самым злостным образом используются по назначению, – объяснил позднее Майкл.

Зайдя во французское бистро неподалеку от кинотеатра, они сели за угловой столик – на тот случай, если вслед за ними туда же нагрянет искромсанный автор со свитой.

– Правда? Прямо-таки по назначению?

– Именно так. На юношах. Книга весьма своеобразна. По-моему, вначале киношники хотели отчасти сохранить чернуху, но на стадии монтажа передумали. Решили ориентироваться на «Лучший из экзотических» и его поклонников<sup>3</sup>. Но об этой публике лучше не будем.

Майкл явно считал, что пропасть между кинематографическими вкусами британских пенсионеров и процессом обольщения слишком глубока, чтобы ее можно было преодолеть изящными средствами, и не ошибся: ему этот трюк не удался. Люси посмеялась такой смене курса, но Майкл не понял, что ее развеселило.

– Ну почему же, при желании можно и об этой публике, – сказала она.

– А у вас есть такое желание?

– Я готова болтать о чем угодно. – И стрельнула глазами. – Это ведь ни на что не повлияет.

Майкл посмотрел на нее в упор:

– То есть?

– На другие события другого вечера, так мне кажется.

Она хотела сказать не «другого», а «этого вечера», но даже в своем теперешнем расположении духа сочла, что это будет слишком дерзко. Ее слова совсем сбили его с толку.

– Какого другого?

– Ну хорошо. Другого часа. – Все-таки не удержалась. – Или любого последующего отрезка времени. – Она вновь отыграла назад.

По пути на эту встречу она решила – на то было две причины, – что непременно переспит с Майклом. Прежде всего, ей не давал покоя нелепый обмен сообщениями с Джозефом. Ну ладно, она, как последняя дура, запала на мальчишку вдвое моложе себя, зато теперь у нее появилась возможность проверить, связано ли это с вынужденным отсутствием личной жизни.

И вообще: даже если отбросить все неприличные мысли о Джозефе, стоит ли одинокой женщине терзаться сомнениями, когда подвернулся случай лечь в постель с довольно привлекательным одиноким мужчиной? Ах, какая важность. До знакомства с Полом это для нее особой важности не представляло. Даже по строгим меркам она в ту пору не была распутницей, но

---

<sup>3</sup> «Отель „Мэриголд“. Лучший из экзотических» (2012) – трагикомедия Джона Мэддена с Джуди Денч и Биллом Найи в главных ролях о британских пенсионерах, решивших переселиться в элитный дом престарелых в индийском Джайпуре. При бюджете 10 млн долларов фильм собрал в международном прокате 140 млн.

и не считала каждое приключение поводом для моральных терзаний. Просто у нее возникала потребность хоть как-то забыться или, по крайней мере, понять, возможно ли такое в принципе. Теперь она была почти уверена, что возможно, хотя в юности все получалось куда проще.

Многие виды действий, напомнила она себе, совершаются вертикально: секс, конечно, нет (по большей части), но вот выпить по коктейлю, потрепаться, потанцевать – эти вертикальные занятия находятся в одном шаге от поцелуя, а поцелуй – в одном шаге от постели и горизонтального положения. Но теперь между этими стадиями вклиниваются фильмы про лютию, ресторанные меню, неловкие, натянутые разговоры. Психология, однако! Много ли она размышляла о психологии в двадцать пять лет, когда оказывалась в подпитии? Взрослая жизнь год за годом вбивала ей в голову сдерживающие мысли о том, что творится в чужих умах. Окружающие приоткрывали свои мысли каждым поступком, каждым словом, и Люси не знала, как от этого отрешиться.

– Я так и не понял, – сказал Майкл, – что именно не повлияет ни на что? И что в итоге может случиться или не случиться?

– Оно и видно, – сказала Люси.

– Вы надумали, что будете заказывать? Здесь подают неплохой бифштекс с картофелем фри.

– Один на всех?

– Понимаю вас. Но ведь и по-французски это будет «le steak frites», согласны? Одна порция. А не один бифштекс на всех и множество ломтиков фри.

Порция этого «steak frites» стоила двадцать пять фунтов. Люси порадовалась, что этого не видит Джозеф, хотя даже не представляла, как должны сложиться обстоятельства, чтобы он это увидел. Ее воображение стыдливо подсказывало, что он и так считает чокнутыми всех, кто готов раз в неделю выложить восемь фунтов за кусок мяса. А узнай он, что сейчас они собираются выложить еще фунтов десять-пятнадцать тому, кто зажарит для них кусок мяса, что бы она от него услышала? Оставалось только радоваться, что Джозеф не имеет доступа к ее мыслям – иначе он бы понял, что она, по сути дела, смотрит на него свысока. К ценам в мясной лавке он, надо думать, давно привык. И очевидно, знал, каков ценник в приличных ресторанах. А если он живет не на съемной квартире и подрабатывает, где только можно, то у него, вероятно, свободных денег не меньше, чем у нее. Но на всякий пожарный она решила отказаться от мяса.

– Ризотто с тыквой выглядит аппетитно.

– Вы вегетарианка?

– У меня два сына, два вечно голодных мясоеда. Мне лень готовить разносолы, лучше уж я буду через день тоже есть мясо.

А что, подумалось ей, это вполне правдоподобно. Не рассказывать же ему про Джозефа и про цены. Но тут в голову пришло другое: если после ужина пригласить Майкла зайти, то он неизбежно столкнется с Джозефом.

– Если надумаете заглянуть к нам на бокал вина, то как раз увидите нашего мясника.

Повисла недоуменная пауза, и Люси смущенно рассмеялась. В отличие от туманных разговоров о чем-то с чем-то это было совершенно однозначное приглашение, но почему-то в ее устах оно прозвучало так, будто у нее в доме сегодня проходит небольшой прием для местных лавочников.

– Это же здорово, – сказал Майкл.

– Он приходит к нам сидеть с детьми.

– Ага. Понятно. Ему не хватает тех сумм, которые он дерет с вас за мясо?

– Он всего лишь продавец, а не хозяин. Ребята его обожают.

– По той причине, что они – мясоеды?

– По той причине, что он разбирается в футболе и классно играет на «Икс-боксе». – Она выболтала о Джозефе больше, чем собиралась. – Ладно. Это к делу не относится. Если у вас будет желание зайти на бокал вина, милости просим.

– Благодарю.

Он не сказал, что завтра должен рано вставать, а потому вынужден отказаться, но и не запрыгал от радости и счастья. Вообще говоря, в их возрасте напрасно было бы ожидать столь бурных излияний, тем более что Майкл, судя по всему, не раз получал такие приглашения. Но если вдуматься, ожидать столь бурных излияний было бы нелепо в любом возрасте.

– Я от этого избавлен.

– Простите, от чего?

– От «Икс-бокса». У меня две дочери.

– Вот оно что. Повезло вам. И что заменяет им стрелялки?

– Преимущественно книги.

Люси приставила два пальца к виску и мысленно застрелилась. Майкл хохотнул.

– Поймите правильно. Чтиво, если хотите знать, весьма низкопробное. Всякие антиутопические напасти.

– Ужас какой. Хорошо, что мои сыновья от этого далеки и все выходные просиживают, разинув рот, перед мониторами. Дочери живут с вашей бывшей?

– Да. Ко мне приезжают по субботам раз в две недели. Банальная история.

– И как вы к этому относитесь?

– Ну как – разумеется, болезненно.

Люси прикинула, что обречена выслушивать различные версии одной и той же истории еще лет десять, а то и пятнадцать, пока не начнет встречаться с мужчинами, чьи дети поступили в колледж. А кроме того, ей стало любопытно, скажет ли хоть кто-нибудь из ее новых знакомых: да это же просто офигеть! Я их поддерживаю материально, я с ними вижусь, но остальное время принадлежит мне. В такой возможности она тут же усомнилась. Прежде всего, это против правил. При всей свежести ощущений ей не следует завязывать ни сексуальных, ни эмоциональных контактов с таким мужчиной.

– Могу себе представить.

Ну вот. Приличия соблюдены, можно двигаться дальше.

В качестве первого они выбрали какое-то блюдо на двоих – из креветок, обильно приправленных чесноком, и она, естественно, начала думать, есть ли у нее в сумочке жевательная резинка и не обидится ли он, если по пути домой она предложит жвачку и ему. А потом она стала думать, какой в этом будет подтекст – насколько прямолинейный и насколько ханжеский, а потом забеспокоилась, как бы он не заметил, что она задумывается о том, чего следует и чего не следует ожидать в дальнейшем, и не уделяет внимания текущей беседе. Она взяла себя в руки и развеяла все тревоги относительно жвачки.

Разговор зашел о писательском ремесле, потом о преподавании, о референдуме. (Майкл высмеял мысль о том, что страна когда-либо проголосует против своих собственных экономических интересов, и Люси прониклась его убежденностью.) Поговорили также о своих неудачных браках, и его объяснения краха собственной семейной жизни не отличались ни легковесностью, ни своекорыстным самобичеванием. Он ей нравился. Она пригласила его к себе на бокал вина, и он ответил ей взглядом, изображающим страх. Но при этом с улыбкой.

– Джозеф – Майкл. Майкл – Джозеф.

Они пожали друг другу руки.

– Как издательство, – сказал Майкл.

Джозеф ответил ему непонимающим взглядом.

– Есть такое издательство, «Майкл Джозеф», – пояснил Майкл.

– А, – сказал Джозеф.

– Да, – подтвердил Майкл и усмехнулся. – Меня такая книжная продукция не слишком интересует<sup>4</sup>.

– Майкл – писатель, – сказала она в отчаянной попытке объяснить, почему ее гость в первые десять секунд знакомства упомянул издательство «Майкл Джозеф».

– Круто, – сказал Джозеф.

Он не собирался уточнять, какие книги написал Майкл, – Люси это сразу поняла. Вряд ли его интересовали подобные сведения. Время от времени Люси приглашала местных писателей выступить перед школьниками, но такие выступления всегда наталкивались на полное равнодушие. Поначалу она расстраивалась (в ее школьные годы учащихся знакомили только с мертвыми писателями), но многие из ее выпускников уже повзрослели; из них вышли медсестры, полицейские, турагенты, продавцы, работники лондонского метрополитена. Вспомнились также двое профессиональных футболистов, один бухгалтер, один ветеринар и один рэпер. Они стали ценными и оцененными членами общества без помощи художественной литературы.

---

<sup>4</sup> Собственное издательство писатель и литературный агент Майкл Джозеф (1897–1958) основал в 1930-е гг.; с 1985 г. оно стало подразделением издательства «Пингвин», специализирующимся на коммерческой и женской литературе, триллерах, книгах по кулинарии и т. п.



## **Конец ознакомительного фрагмента.**

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.